

САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
SAMARA UNIVERSITY

ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Juridical Analytical Journal

Том 18 № 1

2023 год

ISSN 1810-4088 Print
ISSN 2782-4276 Online

Подписной индекс 85743

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**JURIDICAL
ANALYTICAL
JOURNAL**

2023;18(1)

ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
JURIDICAL ANALYTICAL JOURNAL

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ

Журнал издается с 2001 г. Выходит 4 раза в год. Т. 18 (1) 2023

Тематика журнала:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки;
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки;
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки;
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

Основной концептуальной задачей журнала является публикация статей авторов уровня кандидатов и докторов наук, а также практикующих юристов, ссылающихся, в том числе на работы, опубликованные в журналах, входящих в перечень ВАК, Scopus и WoS.
Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и одностороннее слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией.

Главный редактор

Трещева Евгения Александровна, д-р юрид. наук, проф., кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация

Заместитель главного редактора

Юдин Андрей Владимирович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация

Научные редакторы

Агаларова Мария Андреевна, канд. юрид. наук, кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Сержантова Лидия Александровна, канд. юрид. наук, кафедра уголовного процесса и криминалистики; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. +7 (846) 3345406
E-mail: yuazh@ssau.ru
www: <http://journals.ssau.ru/index.php/yuazh>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета
Адрес издателя: 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Выпускающий редактор *Т.А. Мурзинова*
Литературное редактирование, корректура
Т.А. Мурзинова
Компьютерная верстка, макет
Т.А. Мурзинова
Информация на английском языке
М.С. Стрельников

Регистрационный номер СМИ – ПИ № ФС 77-78550 от 10.07.2020, зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Прежнее свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-7591 от 19.03.2001 выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

ISSN 1810-4088 Print, ISSN 2782-4276 Online

Подписной индекс в Объединенном интернет-каталоге «Пресса России» 85743

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Отпечатано в типографии ООО «Прайм»

443544, Российская Федерация, Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, 49.

Подписано в печать 16.06.2023. Выход в свет 26.06.2023.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 6,75.

Тираж 200 экз. (первый завод – 50 экз.). Заказ №

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Редакционная коллегия:

Абдуллин Аделъ Ильсиярович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой международного и европейского права; Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация;

Андряшко Марина Васильевна, канд. юрид. наук, доцент, кафедра общеправовых дисциплин и государственного управления; Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь;

Арабаев Автандил Анисович, д-р юрид. наук, проф., вед. научный сотрудник Института философии и политико-правовых исследований; Национальная академия наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика;

Безверхов Артур Геннадьевич, д-р юрид. наук, проф., директор Юридического института Самарского университета, зав. кафедрой теории и истории государства и права и международного права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Бортников Сергей Петрович, д-р юрид. наук, доцент, директор института права; Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация;

Велиева Джамила Сейфаддин Кызы, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой конституционного и международного права; Поволжский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов, Российская Федерация;

Воронцова Ирина Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, кафедра гражданского процессуального права; Российский государственный университет правосудия (Казанский филиал), г. Казань, Российская Федерация;

Гамбарян Артур Сиреканович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории права и конституционного права Института права и политики; Российско-Армянский университет, г. Ереван, Республика Армения;

Джансареева Рима Еренатовна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики; Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан;

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна, д-р юрид. наук, проф., кафедра уголовного права; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация;

Исаенкова Оксана Владимировна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой гражданского процесса; Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация;

Качалова Оксана Валентиновна, д-р юрид. наук, доцент, руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия; Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация;

Кленова Татьяна Владимировна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права и криминологии; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Михайлова Ирина Александровна, д-р юрид. наук, проф., кафедра гражданского и предпринимательского права; Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва, Российская Федерация;

Поваров Юрий Сергеевич, канд. юрид. наук, доцент, кафедра гражданского и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Попович Витомир, академик, д-р права, проф.; Университет в Баня-Луке, г. Баня-Лука, Босния и Герцеговина;

Полянский Виктор Владимирович, канд. юрид. наук, проф., зав. кафедрой государственного и административного права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Радован Давид, д-р права, доцент, кафедра гражданского права, помощник судьи Конституционного Суда Республики Чехия; Университет им. Т. Масарика, г. Брно, Чешская Республика;

Савельев Константин Анатольевич, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Салкиевич-Мунерлин Эва, д-р права, проф., кафедра международного права; Академия Анджея Фрича Моджевского, г. Краков, Республика Польша.

ISSN 1810-4088 Print
ISSN 2782-4276 Online

Subscription Index 85743

**JURIDICHESKIY
ANALITICHESKIY
ZHURNAL**

**JURIDICAL
ANALYTICAL
JOURNAL**

2023;18(1)

Remit of the journal:

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences;
- 5.1.2. Public legal (state legal) sciences;
- 5.1.3. Private legal (civil) sciences;
- 5.1.4. Criminal legal sciences;
- 5.1.5. International legal sciences

The main conceptual task of the journal is the publication of articles by authors of the level of candidates and doctors of science, as well as practicing lawyers, referring, among other things, to works published in journals included in the list of the Higher Attestation Commission, Scopus and WoS.

All articles are reviewed in the program “**Antiplagiat**” and **one-way peer-reviewed** by the leading scientists in accordance with remit and specialities of the journal.

Chief editor

Trescheva, Evgeniya Alexandrovna, Doctor of Law, professor, Department of Civil Procedural and Business Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Deputy chief editor

Yudin, Andrey Vladimirovich, Doctor of Law, professor, head of the Department of Civil Procedural and Business Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Science editors

Agalarova, Mariya Andreevna, Candidate of Juridical Sciences, Department of Civil Procedural and Business Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Serzhantova, Lidiya Alexandrovna, Candidate of Juridical Sciences, Department of Criminal Procedure and Criminalistics; Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.
Tel. +7 (846) 3345406

E-mail: yuazh@ssau.ru,

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/yuazh>

Publisher: Samara University.

Center of Periodical Publications of Samara University,

Publisher address: Room 312b, building 22a, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Commissioning editor *T.A. Murzinova*

Literary editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

T.A. Murzinova

Information in English

M.S. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media ПИ № ФС 77-78550 as of 10.07.2020 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

The former Certificate on registration of means of mass-media ПИ № 77-7591 as of 19.03.2001 is given by the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

ISSN 1810-4088 Print, ISSN 2782-4276 Online

Supscription Index in the “Press of Russia” Catalogue of Internet 85743

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+ Free price

Author's articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

Printed from OOO “Pram”

49, Polevaya Street, Volzhskiy district, village Kurumoch, Samara region, 443544, Russian Federation.

Passed for printing 16.06.2023. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheets 6,75.

Circulation 200 copies (first printing – 50 copies). Order №

Editorial staff:

Abdullin, Adel Ilsiyanovich, Doctor of Law, professor, head of the Department of International and European Law; Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation;

Andriyashko, Marina Vasilievna, Candidate of Juridical Sciences, associate professor, Department of General Legal Disciplines and State Management; Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus;

Arabaev, Avtandil Anisovich, Doctor of Law, professor, leading researcher of the Institute of Philosophy and Political and Legal Research; National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic;

Bezverkhov, Artur Gennadievich, Doctor of Law, professor, director of the Law Institute of Samara University, head of the Department of Theory and History of State and Law and International Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Bortnikov, Sergey Petrovich, Doctor of Law, associate professor, director of the Institute of Law; Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation;

Velieva, Dzhamilya Seyfaddin Kyzy, Doctor of Law, professor, head of the Department of Constitutional and International Law; Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Saratov, Russian Federation;

Vorontsova, Irina Viktorovna, Doctor of Law, associate professor, Department of Civil Procedural Law; Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation;

Gambaryan, Artur Sirekanovich, Doctor of Law, professor, head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law, Institute of Law and Politics; Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia;

Dzhansaraeva, Rima Erenatovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics; al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan;

Inogamova-Khegay, Lyudmila Valentinovna, Doctor of Law, professor, Department of Criminal Law; Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation;

Isaenkova, Oksana Vladimirovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Civil Process; Saratov State Law University, Saratov, Russian Federation;

Kachalova, Oksana Valentinovna, Doctor of Law, associate professor, head of the scientific direction of research of problems of criminal proceedings, Scientific center of the research of problems of justice; Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation.

Klenova, Tatyana Vladimirovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Mikhailova, Irina Alexandrovna, Doctor of Law, professor, Department of Civil and Business Law; Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation;

Povarov, Yuriy Sergeevich, Candidate of Juridical Sciences, associate professor, Department of Civil and Entrepreneurial Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Popovich, Vitomir, Academician, Doctor of Law, professor; University of Banja Luka, Banja Luka, Republic of Srpska;

Polyanskiy, Victor Vladimirovich, Candidate of Juridical Sciences, professor, head of the Department of State and Administrative Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Radovan, David, Doctor of Law, associate professor, Department of Civil Law, assistant judge of the Constitutional Court of the Czech Republic; Masaryk University, Brno, Czech Republic;

Savelev, Konstantin Anatolievich, Candidate of Juridical Sciences, associate professor, head of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science; Samara University, Samara, Russian Federation;

Salkiewicz-Munnerlyn, Ewa, Doctor of Law, professor, Department of International Law; Andrzej Frycz Modrzewski Krakow University, Krakow, Republic of Poland.

This is an open access content distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ****Артур Г. Безверхов, Гарик Р. Григорян**

О трансформации конструкции мошенничества в отечественном законодательстве 7

Ага Г. Корпеев

О предмете преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, по уголовному законодательству России и Туркменистана 20

Анна А. Катасонова

Особенности доказывания виновности должностного лица при ненадлежащем оказании медицинской помощи 25

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**Андрей В. Юдин**

Поворот исполнения судебного постановления, отмененного по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, в гражданском процессе 37

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ**Татьяна Ф. Юдина**

Особенности становления профессионального юридического образования в Советском государстве в довоенный период 45

Требования к оформлению статей

50

CONTENTS

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Arthur G. Bezverkhov, Garik R. Grigoryan

On the transformation of the construction of fraud in domestic legislation 7

Ata G. Korpeev

On the subject of crimes committed with the use of information and telecommunication networks under the criminal legislation of Russia and Turkmenistan 20

Anna A. Katasonova

Peculiarities of proving the guilt of an official in case of improper delivery of health care 25

PRIVATE LEGAL (CIVIL) SCIENCES

Andrei V. Yudin

Reversal of the execution of a court order canceled due to newly discovered or new circumstances in civil proceedings 37

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Tatyana F. Yudina

Features of the formation of professional legal education in the Soviet State in the pre-war period 45

Requirements to the design of articles 50

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.72

Дата поступления: 20.03.2023
рецензирования: 23.04.2023
принятия: 25.05.2023

Артур Г. Безверхов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Гарик Р. Григорян

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

О трансформации конструкции мошенничества в отечественном законодательстве

Аннотация: в основу статьи положен историко-правовой анализ нормативных положений об ответственности за мошенничество в уголовном праве России. Показано, что начиная с XVI века и вплоть до середины XIX века понятием мошенничества охватывались разновидности краж, грабежей и иных форм имущественных нарушений, соединенных с хитрым, быстрым и проворным завладением чужим имуществом в виде вещи. Мошенничество как самостоятельный тип негативного экономического поведения сложился на поздних этапах эволюции собственнических отношений в России. Он получил законодательно выверенное и юридически четкое описание в нормативно-правовых источниках середины XIX века. Мошенничество от «ловких» похищений чужих движимых вещей, каким его знало отечественное законодательство с XVI по XIX века, трансформировалось во второй половине XIX века в обманное завладение чужим имуществом в мире физическом. С XX века «мошенничество» приобрело новое качество, охватив своей конструкцией случаи незаконного приобретения чужого имущества «невещного» характера (безналичных денег, бездокументарных ценных бумаг и пр.) в мире юридическом. Кроме того, начиная с советского законодательства злоупотребление доверием включено в понятие мошенничества в качестве альтернативного способа совершения этого правонарушения. Доказывается, что правовые образования, отражающие закономерности информационного (постиндустриального) мира, должны строиться с использованием оригинального категориального аппарата, вбирающего в себя всю специфику информационных отношений. Не изъятие, завладение или хищение, а получение доступа к информации или ее передача; не использование, эксплуатация или обращение, а просмотр, чтение, копирование; не распоряжение или отчуждение, а ввод или распространение; не повреждение или уничтожение, а модификация (изменение), стирание или удаление; не порча, а снижение скорости доступа или обработки данных; не угон, а перехват данных. Обосновывается, что конструкция мошенничества, будучи вполне пригодной для охраны «вещных» и даже «обязательственных» отношений, вряд ли способна эффективно противостоять натиску криминальных угроз в электронно-имущественной сфере. Это обстоятельство должно находить адекватное отражение в современном законодательстве, где надо учиться конструировать постиндустриальные норморегуляторы, потому что старые подходы и инструменты вряд ли сработают в информационно-телекоммуникационной сфере.

Ключевые слова: историко-правовой анализ; юридическая конструкция; уголовное право в условиях постиндустриализма; преступления против собственности; мошенничество; имущественные преступления в информационно-технологической сфере; мошенничество в сфере компьютерной информации.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Безверхов, Артур Г., Гарик Р. Рафикович. 2023. “О трансформации конструкции мошенничества в отечественном законодательстве”. *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 18 (1): 7–19. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-1-7-19>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

© *Артур Г. Безверхов, Гарик Р. Григорян, 2023*

Артур Г. Безверхов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор юридического института, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: bezverkhov_artur@rambler.ru

Гарик Р. Григорян, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: garik00063@yandex.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.03.2023

Revised: 23.04.2023

Accepted: 25.05.2023

Arthur G. Bezverkhov
Garik R. Grigoryan

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

On the transformation of the construction of fraud in domestic legislation

Abstract: the article is based on a historical and legal analysis of regulatory provisions on liability for fraud in Russian criminal law. It is shown that from the XVI century until the mid-XIX century, the concept of fraud encompassed various types of theft, robbery, and other forms of property offenses, combined with cunning, quick, and agile seizure of someone else's property in the form of an object. Fraud as an independent type of negative economic behavior developed in the later stages of the evolution of property relations in Russia. It received a legislatively refined and legally clear description in the normative legal sources of the mid-XIX century. Fraud, from the "skillful" theft of movable property, as known in domestic legislation from the XVI century to the XIX century, transformed in the second half of the XIX century into deceitful appropriation of someone else's property in the physical world. From the XX century onwards, "fraud" acquired a new quality, encompassing cases of unlawful acquisition of "non-material" property (non-cash funds, non-documentary securities, etc.) in the legal world. In addition, starting from Soviet legislation, abuse of trust has been included in the concept of fraud as an alternative method of committing this offense. It is argued that legal formations reflecting the regularities of the information (post-industrial) world should be constructed using an original categorical apparatus that encompasses all the specificities of information relationships. It is not the seizing, appropriation, or theft, but rather gaining access to information or its transmission; not the use, exploitation, or handling, but viewing, reading, copying; not disposal or alienation, but input or dissemination; not damage or destruction, but modification (alteration), erasure, or deletion; not destruction, but slowing down the access or processing of data; not hijacking, but interception of data. It is justified that the construction of fraud, while perfectly suitable for protecting "material" and even "obligational" relationships, is unlikely to effectively withstand the pressure of criminal threats in the electronic property sphere. This circumstance should be adequately reflected in modern legislation, where one must learn to construct post-industrial regulatory norms because old approaches and tools are unlikely to work in the information and telecommunications sphere.

Key words: historical and legal analysis; legal construction; criminal law in the conditions of post-industrialism; property crimes; fraud; property offenses in the information technology sphere; fraud in computer information.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest.

Citation: Bezverkhov, Arthur G., Garik R. Grigoryan. 2023. "On the transformation of the construction of fraud in domestic legislation". *Juridical Analytical Journal* 18 (1): 7–19. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-1-7-19>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© *Arthur G. Bezverkhov, Garik R. Grigoryan, 2023*

Arthur G. Bezverkhov, Doctor of Law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, director of the Legal Institute, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: bezverkhov_artur@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Garik R. Grigoryan, Candidate of Legal Sciences, senior lecturer at the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
e-mail: garik00063@yandex.ru

К постановке вопроса

Всякое девиантное поведение представляет собой акт социального противоречия. Получив общественно-негативную оценку в законе, деликт приобретает социально-правовую природу.

При этом социальную сущность правонарушения определяет то обстоятельство, что сам тип отклоняющегося от правовой нормы поведения проявляется на определенном этапе социально-экономической эволюции, на фоне того общественно-политического уклада, который возникает и развивается в конкретную историческую эпоху. Следовательно, социальная сущность деликта состоит прежде всего в его социальной вредоносности и (или) общественной опасности для наиболее значимых и, соответственно, охраняемых законом общественных отношений. Социальная вредоносность и (или) общественная опасность – материальный признак правонарушения, раскрывающий его социальную сущность. Социальная вредоносность и (или) общественная опасность отклоняющегося поведения возрастает, если оно посягает на новый, возникающий в условиях кардинальных преобразований тип социальных взаимоотношений.

Правовая сущность правонарушения означает, что деликт противоправен, запрещен соответствующей правовой нормой под угрозой применения наказания или иных мер правового характера к виновному лицу, включен в законодательную классификацию преступлений и иных правонарушений, путем месторасположения в системе законодательства соотношен со смежными деяниями.

В связи с этим социально-правовая природа правонарушения так или иначе отражается на его юридической конструкции. Не является исключением здесь и конструкция мошенничества.

Конструкция мошенничества в законодательстве царской России

Начиная с XVI века и вплоть до середины XIX века понятием мошенничества охватывались разновидности краж, грабежей и иных форм имущественных нарушений, соединен-

ных с хитрым, быстрым и проворным завладением чужим имуществом (в виде вещи). Таким понятием мошенничества обозначались не только «торговые» обманы, но и рассчитанные на быстроту действий виновного «ловкие» захваты, «карманные» изъятия, внезапные (например, путем «рывка») хищения чужих вещей и т. п.

Первое указание на имущественный обман в виде мошенничества дается в статье 58 Судебника 1550 г. Ивана Грозного: «мошеннику та же казнь, что и татю, а обманщика бити кнутьем»¹. По мнению историков-юристов, в прежние времена под мошенничеством понималось хищение мошны или из мошны, то есть карманная кража (Белогриц-Котляревский 1880, 152).

Легальное определение понятия мошенничества было дано впервые в указе Екатерины II от 1781 г. «О разных видах воровства и какие за них наказание чинит»². Примечательно определение этого деликта: «Воровством-мошенничеством называется, когда кто на торгу или в ином многолюдном месте у кого из кармана что вынет, или обманом, или вымыслом, или внезапно у кого что отнимет, или унесет, или от платья полу отрежет, или позумент спорет, или шапку сорвет, или купит что и, не заплатив денег, скроется, или обманом, или вымыслом продаст, или отдаст поддельное за настоящее, или весом обвесит или мерою обмерит, или что подобное обманом или вымыслом себе присвоит без воли и согласия хозяина».

В Своде законов Российской империи 1830 г. почти дословно повторяется понятие мошенничества из положений Указа 1781 г.³ В этой связи Н.С. Таганцев писал: «Определение Свода нельзя назвать определением мошенничества в строгом смысле, потому что Свод группировал под именем мошенничества в высшей степени разнообразные и по существу своему почти не имеющие между собой ничего общего

¹ Судебник 1550 г. Ивана Грозного. Дата обращения 10 мая 2023 г. https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf.

² Указ Екатерины II от 1781 г. «О разных видах воровства и какие за них наказание чинит». Дата обращения 10 марта 2023 г. <https://base.garant.ru/58105240>.

³ Свод законов Российской империи 1830. Дата обращения 1 марта 2023. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire>.

преступления против собственности на основании лишь одного внешнего признака их, именно маловажности» (Таганцев 1871, 199).

Мошенничество как самостоятельный тип негативного экономического поведения сложился на поздних этапах эволюции собственных отношений в России. Он получил законодательно выверенное и юридически четкое описание в нормативно-правовых источниках середины XIX века. Именно с возникновением капитализма и интенсивным ростом предпринимательских отношений в отечественном законодательстве появляется и получает развитие понятие мошенничества как самостоятельного «рыночного» правонарушения в области охраны собственности, отличного от кражи, присвоения, грабежа и других смежных имущественных злоупотреблений. Когда развитие буржуазного уклада в императорской России потребовало обеспечения эффективной охраны формирующегося рынка от имущественных обманов, законодатель придал мошенничеству строгую юридическую конструкцию, направленную на защиту новых складывающихся экономических отношений.

«Воровством-мошенничеством признается всякое посредством какого-либо обмана учиненное похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества. Мера наказания за оное определяется по степени большей или меньшей предумышленности преступления, по свойству употребленных для совершения его средств и по другим обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину преступника». Именно так определялось данное преступление в статье 2172 Отделения Четвертого «О воровстве-мошенничестве» Главы Третьей «О похищении чужого имущества» Раздела Двенадцатого «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.⁴

При этом Отделение Четвертое «О воровстве-мошенничестве» Уложения включало в себя 16 статей (статьи 2172–2187). Сама Глава Третья включала в себя следующие отделения: Отделение Первое «О разбое», Отделение Второе «О грабеже», Отделение Третье «О воровстве-краже» и, как уже упоминалось ранее, Отделение Четвертое «О воровстве-мошенничестве». Также обратим внимание на то, что Глава Третья «О похищении чужого имущества»

размещалась между Главой Второй «О истреблении и повреждении чужого имущества» и Главой Четвертой «О присвоении и утайке чужой собственности».

По сути, аналогичное определение понятия мошенничества содержалось в статье 1665 Отделения Четвертого «О мошенничестве» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакциях 1866 г. и 1885 г.: «...мошенничеством признается всякое посредством какого-либо обмана учиненное похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества».

От мошенничества как всякого обманного похищения чужого движимого имущества Уложение отличало «обманы всякого рода в обязательствах», ответственность за которые предусматривалась в самостоятельной главе данного законодательного акта.

На достаточно высоком уровне определялись вопросы основания и дифференциации ответственности за мошенничество в разработанном правительственной комиссией Уголовном Уложении 1903 г.⁵ В данной законодательной модели (которая так и не стала в целом действующим уголовным законом досоветской России) нормы об ответственности за мошенничество были помещены в главу 33 «О мошенничестве». Эта глава включала 8 статей (статьи 591–598), в своей совокупности выражающих законодательное определение понятия мошенничества. Уголовное Уложение широко трактовало мошенничество. Под ним понималось под ним как «похищение, посредством обмана, чужого движимого имущества, с целью присвоения», так и «побуждение посредством обмана, с целью доставить себе или другому имущественную выгоду, к уступке права по имуществу или к вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу» (статья 591). Предметом мошенничества Уложение признавало и недвижимое имущество (статья 593). Как писал С.В. Познышев, под предметом мошенничества следует понимать не только разные движимые вещи, но и недвижимость, а также права и разные имущественные выгоды по обязательствам (Познышев 1912, 249).

Как видим, в начале XX века мошенничество (которое в современном уголовном законодательстве России признается хищением чужого имущества и приобретением права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Дата обращения 3 марта 2023 г. <http://museumreforms.ru/node/13654>.

⁵ Уголовное уложение 1903 г. Дата обращения 7 марта 2023 г. https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf

доверием) по Уголовному Уложению составляло самостоятельную группу имущественных посягательств, совершаемых путем обмана (глава 33 «О мошенничестве»).

Конструкция мошенничества в законодательстве советской России

Советское законодательство, отражающее закономерности общества с плановой экономикой, внесло несколько коррективов в конструкцию мошенничества. Прежде всего заметим, что советское право отвергало «злоупотребление доверием» как самостоятельную разновидность имущественных нарушений, заключающихся в использовании доверия в целях противоправного нарушения имущественных интересов поверенного виновным лицом, которому по закону, договору или иным основаниям были вверены указанные интересы. В условиях отрицания частного капитала, частного права, ликвидации института частной службы отсутствовали основания для проявления указанных посягательств⁶ (Борзенков 1971, 67). В УК РСФСР 1922 г. злоупотребление доверием было включено законодателем в понятие мошенничества⁷. С тех пор в отечественном праве «злоупотребление доверием» стало рассматриваться как один из способов мошенничества.

Кроме того, понятие мошенничества в советском законодательстве «раздваивалось» в связи с дифференциацией наказания за имущественные посягательства на разные (1) формы собственности и (2) с различным характером причиняемого ими имущественного вреда.

С учетом вышеизложенного под мошенничеством как преступлением против социалистической собственности понималось в статье 93 «Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества» УК РСФСР 1960 г. завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием⁸.

⁶ Как справедливо замечено в науке советского уголовного права, «такого рода отношения распространены в капиталистическом обществе, но не типичны для нашего строя. Поэтому советскому уголовному праву нет необходимости выделять злоупотребление доверием в самостоятельный состав преступления» (Борзенков 1971, 67).

⁷ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. Дата обращения 7 марта 2023 г. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infosttr=xO7q8%20zl7flg7vLu4fDg5uDl8vH/IO3IIOIg7%207x6%20Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&nd=102010096&page=1&rdk=0#10.

⁸ Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. Дата обращения 10 марта 2023 г. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950.

Этот деликт наказывался лишением свободы на срок до 3 лет или исправительными работами на срок до 1 года. Согласно же статье 147 «Мошенничество», размещенной в главе пятой «Преступления против личной собственности граждан» УК РСФСР 1960 г., мошенничеством признавалось завладение личным имуществом граждан или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Эта разновидность мошенничества наказывалась лишением свободы на срок до 2 лет или исправительными работами на срок до 1 года.

Одновременно в главе второй «Преступления против социалистической собственности» УК РСФСР 1960 г. появился своеобразный «двойник» мошенничества, который был описан в статье 94 названного закона. Речь идет о причинении имущественного ущерба государству или общественной организации путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, то есть о том же мошенничестве, которое причиняет имущественный вред не в результате утраты имущества, а в виде расходов, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, либо в виде неполученных доходов, которые потерпевшее лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (в виде упущенной выгоды). Это правонарушение наказывалось лишением свободы на срок до 1 года, или исправительными работами на тот же срок, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или увольнением от должности либо применением мер общественного воздействия.

Конструкция мошенничества в конце XX – первой четверти XXI века

Составы преступлений против собственности (*corpus delicti* – «имущественных преступлений») всегда характеризовались этаким исторической неизменностью. Если оценивать их конструкции с историко-правовой точки зрения, они в целом неизменны и стабильны. Заметим, что даже переход от планового к рыночному типу экономики не привел к радикальным изменениям в конструкциях этих деликтов. Самое существенное здесь, наверное, – отказ законодателя от двух глав в уголовном законе, опирающийся на начало равной охраны всех форм собственности, и описание этих нарушений в одном структурном компоненте Особенной части УК. Так, федеральным законом от

1 июля 1994 г. № 10-ФЗ⁹ был упразднен двойной режим уголовно-правовой охраны собственности путем исключения главы 2 Особенной части УК РСФСР 1960 г., объединявшей нормы об ответственности за преступления против социалистической собственности и устанавливавшей за них более строгие наказания, чем за предусмотренные в измененной главе 5 этого УК преступления против собственности¹⁰. Как известно, в УК РФ 1996 г. преступления против собственности описаны также в одном структурном компоненте Особенной части этого закона – в главе 21 «Преступления против собственности»¹¹.

Для сравнения достаточно упомянуть о тектонических трансформациях института «хозяйственных преступлений» (УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г. и УК РСФСР 1960 г.) в «преступления в сфере экономической деятельности» (УК РФ 1996 г.).

Однако первая четверть XXI века демонстрирует иные новеллы в сфере противодействия имущественным правонарушениям. Укажем только на несколько нововведений, отражающих формационные сдвиги, по-видимому, более глобальные, чем переход общества от одного типа экономики к другому.

Во-первых, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» частично декриминализован «близнец» мошенничества – «обманное» уклонение от исполнения имущественных обязательств, предусмотренное статьей 165 УК. Это произо-

шло путем трансформации «крупного размера» (свыше 250 тыс. руб.) из квалифицирующего признака в кримиобразующий¹². Одновременно законодателем были внесены дополнения в КоАП РФ, где появилась новая статья 7.27¹ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием», предусматривающая административную ответственность за причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния, то есть при размере материального вреда до 250 тыс. рублей включительно¹³. Если здесь допустить математический расчет, то получается, что опасность этой разновидности мошенничества понижена законодателем более чем в сто раз.

Результатом такой новеллы стали явные диспропорции в стоимостных размерах преступлений в сфере экономики: в соответствии с действующим законодательством предметом мошенничества как преступления против собственности (статья 159 УК РФ) может быть имущество, стоимость которого превышает 2,5 тыс. руб. (см. части 2 и 3 статьи 7.27 КоАП РФ). Предмет же преступления, предусмотренного статьей 165 УК, представляет собой имущественную выгоду в размере свыше 250 тыс. руб.

Трудно объяснить позицию законодателя, посчитавшего, что причинение имущественного ущерба не в крупном размере следует признавать административным правонарушением, что повлечет за собой ненаказуемость по УК РФ имущественных обманов в размере до 250 тыс. руб. включительно, если они причинили вред, как уже отмечалось ранее, не в результате утраты имущества, а в виде расходов, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, либо неполученных доходов, которые потерпевшее лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. В то же время обманы, связанные с причинением в результате утраты имущества реального вреда в не крупном размере (свыше 2,5 тыс.

⁹ Федеральный закон от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР». Дата обращения 10 марта 2023 г. <https://base.garant.ru/1309410>.

¹⁰ Например, согласно ч. 3 ст. 93 главы 2 УК РСФСР 1960 г., мошенничество, причинившее крупный ущерб государству или общественной организации, наказывалось лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества. Мошенничество же, причинившее значительный ущерб личной собственности граждан, влекло наказание по ч. 3 ст. 147 главы 5 того же УК в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества. В соответствии с ч. 3 ст. 147 УК РСФСР 1960 г. в редакции федерального закона от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ, ответственность за мошенничество (как завладение чужим имуществом или приобретение права на имущество путем обмана либо злоупотребления доверием), совершенное в крупных размерах, устанавливалась в виде лишения свободы на срок от четырех до десяти лет с конфискацией имущества.

¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Дата обращения 10 марта 2023 г. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.

¹² Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Дата обращения 10 марта 2023 г. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864.

¹³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Дата обращения 12 марта 2023 г. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661.

руб.), будут продолжать влечь уголовную ответственность за мошенничество.

Кроме того, по названному признаку преступление, предусмотренное ст. 165 УК РФ, необоснованно уравнено с неосторожным причинением имущественного ущерба (ст. 168 УК РФ), где в качестве основания уголовной ответственности также указан «крупный размер».

Во-вторых, Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁴ дополнил УК РФ статьями 159¹–159⁶, а также Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ дополнил часть 3 статьи 158 УК РФ положением о краже с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств и изложил в новой редакции статью 159³ УК РФ о мошенничестве с использованием электронных средств платежа¹⁵.

По сути, указанными новеллами кража и мошенничество как хищения чужих вещей в мире физическом были отнесены к разновидностям имущественных преступлений неимущественного характера, совершаемых в мире юридическом. В самом деле, как было разъяснено в пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», по смыслу положений пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статье 128 ГК РФ содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества в форме мошенничества и в том случае, если предметом преступления являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства.

В настоящее время споры о квалификации все чаще возникают в мире «невещественном» («нефизическом»), который мы пытаемся овеществить и, соответственно, «невещные» имущественные правонарушения «охищничить».

Получается, что мошенничество от «ловких» похищений чужих движимых вещей, каким его знало отечественное законодательство

¹⁴ Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Дата обращения 12 марта 2023 г. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138322.

¹⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ. Дата обращения 12 марта 2023 г. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296451.

с XVI по XIX века, трансформировалось во второй половине XIX века в обманное завладение чужим имуществом в мире физическом. С XX века «мошенничество» приобрело новое качество, охватив своей конструкцией случаи незаконного приобретения чужого имущества «невещного» характера (безналичных денег, бездокументарных ценных бумаг и пр.) в мире юридическом.

Мошенничество в сфере компьютерной информации

Этот сравнительно новый и малоисследованный тип преступного поведения возник в условиях информатизации современного социума и совершается с использованием компьютерной информации, средств электронной вычислительной техники и информационно-телекоммуникационных сетей. Такой тип криминальной активности находит свое проявление на фоне формирования постиндустриальной цивилизации и информационного общества.

Ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации установлена в статье 159⁶ УК РФ. Эта статья имеет целью противодействие угрозам экономической безопасности и имущественной стабильности граждан, организаций, государства путем посягательства на собственность с неправомерным использованием компьютерной информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетей.

Основным объектом названного преступления является собственность, а дополнительным – общественная безопасность. Юридически это подтверждается, тем обстоятельством, что преступления в сфере компьютерной информации описаны в главе 28 раздела IX УК РФ и представляют собой разновидность посягательств на общественную безопасность.

При этом мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по статьям 272, 273 или 274¹ УК РФ.

Предметом мошенничества в сфере компьютерной информации выступает чужое имущество и право на него.

В объективную сторону мошенничества в сфере компьютерной информации включены альтернативно два общественно опасных деяния: хищение чужого имущества и приобретение права на чужое имущество.

Преступление, предусмотренное статьей 159⁶, отличается следующим «квинтетом» способов противоправного завладения чужим имуществом:

1) ввод компьютерной информации, то есть совершение действий по набору и электронной обработке сведений (данных об адресате, сумме денежных средств и др.) для их дальнейшего распознавания, хранения, использования компьютерной системой (устройством ЭВМ);

2) удаление компьютерной информации, то есть совершение действий по устранению компьютерной информации с машинных носителей;

3) блокирование компьютерной информации, то есть совершение действий, приводящих к ограничению или закрытию доступа к компьютерной информации (но не связанных с ее удалением или уничтожением);

4) модификация компьютерной информации, то есть совершение любого первоначального изменения сведений (сообщений, данных), представленных в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки, передачи;

5) иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей указывает прежде всего на открытый перечень способов вмешательства в компьютерную систему и означает совершение любых других действий, нарушающих установленный процесс обработки, хранения, использования, передачи и иного обращения с компьютерной информацией.

Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи (примечание 1 к ст. 272 УК РФ).

Как разъяснено в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, по смыслу статьи 159⁶ вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс об-

работки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него¹⁶.

Если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество следует квалифицировать по статье 159 УК, а не 159⁶.

Мошенничество в сфере компьютерной информации характеризуется прямым умыслом и корыстной целью.

Субъект мошенничества в сфере компьютерной информации – лицо, достигшее 16 лет.

Обратим внимание на мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (часть 4 статьи 159⁶), отнесенное к категории тяжких преступлений.

Повышенная опасность имущественных преступлений, совершенных с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, связана прежде всего с двухобъектностью этих посягательств.

Повышенная общественная опасность указанного преступления обусловлена спецификой способа совершения преступления – использованием удаленного доступа к банковскому счету при помощи технических средств, позволяющих лицу оставаться анонимным и совершать преступление из любой точки мира, имея лишь доступ к сети Интернет, который может быть рассчитан на многократное применение, в том числе использоваться для доступа не только к банковским счетам, но и иным охраняемым и особо охраняемым данным (Скрипченко 2020, 44–49).

Здесь в роли дополнительного объекта выступают охраняемые законом интересы платежной системы как неотъемлемого компонента современных денежно-кредитных отношений. Согласно пункту 1 статьи 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», национальная платежная система – совокупность операторов

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 “О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате”. Дата обращения 12 марта 2023 г. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918.

по переводу денежных средств (включая операторов электронных денежных средств), банковских платежных агентов (субагентов), платежных агентов, организаций федеральной почтовой связи при оказании ими платежных услуг в соответствии с законодательством Российской Федерации, операторов платежных систем, операторов услуг платежной инфраструктуры, операторов услуг информационного обмена, иностранных поставщиков платежных услуг, операторов иностранных платежных систем, поставщиков платежных приложений (субъекты национальной платежной системы)¹⁷. В национальную платежную систему на начало 2021 г. входят 31 платежная система, 486 операторов по переводу денежных средств, более 500 платежных агентов и банковских платежных агентов. Банк России обеспечивает устойчивость и бесперебойное функционирование национальной платежной системы, необходимую инфраструктуру для осуществления безналичных расчетов на территории Российской Федерации.

Мошенничество, совершенное с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, характеризуется особым предметом, который имеет неимущественное содержание. В роли такового выступают безналичные и электронные денежные средства.

Деньги существуют в вещественной (телесной) форме и дематериализованном состоянии (в виде прав требования; безналичных денег; электронных денежных средств). Наличные деньги (как и документарные ценные бумаги) признаются вещами, а безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги относятся к иному имуществу (статья 128 ГК РФ). В этой связи денежные средства на банковском счете – это не вещи; лишены вещественного характера и электронные денежные средства. Как обоснованно подчеркнул Е.А. Суханов, право требования вкладчика к банку не является объектом вещного права; при таком очевидном для квалифицированного юриста подходе снимается и вопрос о «праве собственности» на безналичные деньги, которые являются не вещами, а правами требования» (Суханов 1996, 452–453).

Согласно закону, содеянное как хищение чужого имущества квалифицируется по пункту «в» части 3 статьи 159⁶ независимо от стоимостного размера предмета преступления.

В отличие от наличных денег – валюты, представленной в физическом эквиваленте, безналичные денежные средства хранятся на банковских счетах организаций, банковских карт физических лиц для проведения финансовых операций в виде безналичных расчетов.

Под банковским счетом следует понимать открываемый банком юридическим или физическим лицам счет для их участия в безналичном денежном обороте и аккумулировании на счете безналичных денежных средств для целевого использования (подробнее см. главу 45 ГК РФ).

Безналичные расчеты – это платежи, осуществляемые без использования наличных денег, посредством перечисления денежных средств по счетам в кредитных учреждениях и зачетов взаимных требований, с применением банковских карт и др. Такого рода расчеты в условиях функционирования разветвленной сети банков имеют большое экономическое значение в ускорении оборачиваемости средств, сокращении наличных денег, необходимых для обращения, снижении издержек обращения. Отличительный признак безналичных расчетов – наличие счета в банке, их сущность – в операциях, которые проводятся между счетами.

Понятие электронных денежных средств и электронных средств платежа вводится в статье 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Согласно пункту 18 статьи 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», электронные денежные средства – это денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа. При этом не являются электронными денежными средствами денежные средства, полученные организациями, осуществляющими профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, клиринговую деятельность, деятельность оператора финансовой платформы, деятельность по организации привлечения инвестиций, деятельность по управлению инвестиционными фон-

¹⁷ Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ. Дата обращения 12 марта 2023. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625.

дами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами, деятельность операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и (или) деятельность операторов обмена цифровых финансовых активов и осуществляющими учет информации о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета в соответствии с законодательством, регулирующим деятельность указанных организаций.

Другими словами, электронные деньги – это денежные средства, которые находятся у гаранта и по распоряжению владельца могут быть перечислены по электронным каналам без открытия банковского счета.

В соответствии с пунктом 19 статьи 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», электронное средство платежа – средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств.

Использование электронной техники и информационных технологий оттесняет на «задний» план такие традиционные способы имущественных преступлений, как «тайность», «обман», «злоупотребление доверием».

В свете сказанного стоит рассматривать преступление, предусмотренное статьей 159⁶, как самостоятельный вид преступного посягательства на собственность в сфере компьютерной информации.

Цифровые (информационные) имущественные правонарушения

Современный этап развития общественных отношений уникален. Мы живем в эпоху информационных и цивилизационных трансформаций. XXI век (по крайней мере, его первая половина) войдет в историю как век цифровизации. Цифровая экономика — это не отдельная отрасль, а базис, фундамент, который позволяет создавать качественно новые структуры и конструкции в сфере экономики, управления, права и пр. Цифровизация задает новую парадигму развития личности, государства, общества. При этом становится очевидным, что, как бы мы ни понимали цифровую экономику, наша связь с

информационным миром становится определяющей характеристикой дальнейшего прогресса социума.

Эра цифровизации теснейшим образом связана с новым витком научно-технического прогресса и бурным развитием информационных технологий. В связи с ускорением постиндустриального развития современного социума возникает целый комплекс вопросов юридического характера: об имуществе и собственности в условиях информационного общества и цифровой экономики (о виртуальной собственности), об изменении структуры имущественных правонарушений в эпоху информационно-технологических трансформаций.

Соответственно, в современном праве оттачивается категориальный юридический аппарат. В законодательстве появляются новые понятия, которые характеризуют работу цифровых платформ, производство продукции и предоставление услуг с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Так, в 2019 г. был расширен перечень объектов гражданских прав за счет отнесения к ним цифровых прав (статья 128 ГК РФ). При этом под цифровыми правами предложено понимать обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу (часть 1 статьи 141.1 ГК РФ).

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дал впервые законодательное определение таких понятий, как «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта».

Цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в

информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Цифровой валютой называется совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Подчеркнем, что требования федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ не распространяются на обращение безналичных денежных средств, электронных денежных средств, а также на выпуск, учет и обращение бездокументарных ценных бумаг (статья 1).

Как видно, юридические новеллы опираются на информационные процессы и системы. В свете сказанного напомним важнейшее свойство информации. Ее нельзя отнести к сфере материи потому, что материальная, объективная сторона информации является вторичной. Эта особенность указывает на новую параллельную физическому миру реальность, непривычную для нашего восприятия, и, как представляется, отличающуюся собственными правилами и законами. В современной астрофизике даже высказано мнение, что физический мир базируется на информационном. Тогда получается, что основой реальности нашего мира являются не материя и энергия, а именно нематериальный источник, базирующийся на обмене информацией. Как отмечает В.А. Северин, информация выступает нематериальным благом и характеризуется нематериальным характером (Северин 2002, 103). «Информация – нематериальная сущность, – пишет В.В. Лидовский, – при помощи которой с любой точностью можно описывать реальные (материальные), виртуальные (возможные) и понятийные сущности. Информация – противоположность неопределенности» (Лидовский 2016, 14).

К информационному ресурсу неприменимо понятие исчерпаемости. Ведь информации не

присуща физическая природа; информация не имеет качества редкости в традиционном смысле слова. Это объясняется тем, что информация сохраняется (не исчезает) в процессе ее использования, потребления. Информация в этом смысле неисчерпаема.

Наряду с этим информация является неограниченным ресурсом. Неподверженность цифровых данных физическому старению приводит к образованию огромных массивов информации, одновременно доступных фактически неограниченному кругу лиц, к тому же находящихся в разных юрисдикциях. Кроме того, информация в процессе потребления способна к практически ничем не ограниченному тиражированию (копированию) без ограничений и ущерба для ее содержания. При этом стремление информации к распространению является ее закономерностью. Если по мере эксплуатации материально-технической базы она истощается, то информация – возрастает. Потребление вещи есть ее разрушение, потребление информации суть ее рост.

Нельзя не сказать об особенностях информационного оборота. Индивидуально-определенную вещь недопустимо продавать одновременно или разновременно нескольким участникам имущественных отношений – это, по сути, злоупотребление, обман, мошенничество. Однако одну и ту же информацию можно продавать много раз не только разным, но и одному и тому же участнику экономических отношений, и здесь, как правило, нет ничего предосудительного и противоправного – ведь информация нематериальна, она может находиться одновременно в ведении многих лиц.

Важным по значимости является такое свойство информации, которое состоит в субъективности ее восприятия. Ценность информации определяется самим потребителем. Причем для разных потребителей одна и та же информация может обладать разной ценностью.

Наконец, обратим внимание на особые пространственно-временные характеристики информационной реальности. К примеру, на ее трансграничность, которая позволяет информации без особых усилий перемещаться из одного устройства в другое, от одного лица к другому. Информация лишена в физическом смысле длины, ширины и высоты, она не измеряется в метрах или иных физических единицах исчисления, не требует физических перемещений, в пространстве можно двигаться со скоростью звука, света или даже мысли. Для электронной подписи не надо иметь ручки чернил и бумаги.

Информация может распространяться обезличенно, без необходимости физического присутствия субъекта на месте сделки или правонарушения. Одна и та же информация (в отличие от вещи) может находиться одновременно в нескольких местах, даже на противоположных полюсах земного шара.

В силу названных выше особенностей информации к правовому регулированию и охране информационных объектов, процессов и систем неприменимы юридические конструкции, выражающие реализацию физического изъятия, удержания или отчуждения материального предмета. В отношении информации невозможно осуществление права владения, пользования, распоряжения, что, в соответствии с отечественной цивилистической доктриной, исключает права собственности и иного вещного права в отношении информационного ресурса. Согласно концепции, получившей развитие в российском информационном законодательстве, граждане и юридические лица могут быть не собственниками, а обладателями информации. Неприменимость в отношении информации идеологии права собственности приводит к появлению новых юридических конструкций и институтов, среди которых еще раз упомянем «цифровые права», «цифровые валюты», «цифровые финансовые активы» и пр.

Правовые образования, отражающие закономерности информационного (постиндустриального) мира, должны строиться с использованием оригинального категориального аппарата, вбирающего в себя всю специфику информационных отношений. Не изъятие, завладение или хищение, а получение доступа к информации или ее передача; не использование, эксплуатация или обращение, а просмотр, чтение, копирование; не распоряжение или отчуждение, а ввод или распространение; не повреждение или уничтожение, а модификация (изменение), стирание или удаление; не порча, а снижение скорости доступа или обработки данных; не угон, а перехват данных.

Библиография

Борзенков, Геннадий Н. 1971. *Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации)*. Москва: Юрид. лит.: 168 с.

Лидовский, Владимир В. 2016. *Основы теории информации и криптографии*. 2-е изд., исправ. Москва: Национальный Открытый университет «ИНТУИТ»: 142 с. https://portal.sibadi.org/pluginfile.php/126471/mod_folder/content/0/Лидовский%202016%20Основы-теории-информации-и-криптографии.pdf?forcedownload=1.

Познышев, Сергей В. 1912. *Особенная часть русского уголовного права: Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений*. 3-е изд., испр. и доп. Москва: 499 с. <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/17995/1/Особенная%20часть%20русского%20уголовного%20права.pdf>.

Здесь, по-видимому, уместна аналогия с действием физических законов на планете Земля (к примеру, закона тяготения), которые вряд ли таким же образом функционируют в открытом космическом пространстве или на других небесных телах. Возможно, и современному правосознанию легче искать пути решения актуальных проблем, опираясь на проверенные опытом юридические конструкции.

Так, законодатель предлагает связывать интенсивно растущую корыстную цифровую преступность с устоявшимися конструктами кражи, хищения и мошенничества. На сегодняшний день в борьбе с информационными имущественными посягательствами уголовный закон «вооружен» арсеналом средств, содержащихся в пункте «г» части 3 статьи 158 (кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств), статье 159³ (мошенничество с использованием электронных средств платежа) и статье 159⁶ (мошенничество в сфере компьютерной информации).

Заключение

Пока не зародилась надежда на лучшее будущее, человек живет прошлым. Однако перед современным обществом возникают новые реалии, требующие для правильного их восприятия применения необычных подходов. Новые – имущественно-цифровые – отношения, которые развиваются в постиндустриальной экономике, нуждаются в соответствующей нормативно-правовой регламентации и охране.

Конструкция мошенничества, будучи вполне пригодной для охраны «вещных» и даже «обязательственных» отношений, вряд ли способна эффективно противостоять натиску криминальных угроз в электронно-имущественной сфере. Это обстоятельство должно находить адекватное отражение в современном законодательстве, где надо учиться конструировать постиндустриальные норморегуляторы, потому что старые подходы и инструменты вряд ли сработают в информационно-телекоммуникационной сфере.

Северин, Виталий А. 2002. “Регулирование коммерчески значимой информации в торговом обороте”. *Актуальные проблемы коммерческого права: сборник статей*. Москва: 103–123. <https://istina.msu.ru/publications/article/2753175/?ysclid=lt74oij3mt128118399>.

Скрипченко, Нина Ю. 2020. “Уголовная ответственность за хищения денежных средств с банковского счета (анализ законодательных новелл)”. *Банковское право* 1: 44–49. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2020-1-44-49>, <https://elibrary.ru/xzbsmv>.

Суханов, Евгений А. 1996. “Банковский вклад”. *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель*. Под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. Москва: Межд. центр финансово-эконом. развития. <https://studfile.net/preview/16774126/page:19>.

Таганцев, Николай С. 1871. *Курс русского уголовного права: Часть особенная*. Санкт-Петербург: 542 с. <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/19848/1/RuPRLIB20003794%201.pdf>.

References

Borzenkov, Gennady N. 1971. *Liability for fraud (issues of qualification)*. Moscow, Iurid. lit.: 168 p. (In Russian).

Lidovsky, Vladimir V. 2016. *Fundamentals of information theory and cryptography*. 2nd edition, revised. Moscow, Natsional'nyi Otkrytyi universitet “INTUIT”: 142 p. https://portal.sibadi.org/pluginfile.php/126471/mod_folder/content/0/Лидовский%202016%20Основы-теории-информации-и-криптографии.pdf?forcedownload=1. (In Russian)

Poznyshev, Sergei V. 1912. *The Special Part of Russian Criminal Law: A Comparative Essay on the Most Important Departments of the Special Part of the Old and New Codes*. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow: 499 p. <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/17995/1/Особенная%20часть%20русского%20уголовного%20права.pdf>. (In Russian)

Severin, Vitaliy A. 2002. “Regulation of commercially significant information in trade”. In: *Topical issues of commercial law. Collection of articles*. Moscow: 103–123. <https://istina.msu.ru/publications/article/2753175/?ysclid=lt74oij3mt128118399>. (In Russian)

Skipchenko, Nina Yu. 2020. “Criminal liability for embezzlements of money from a bank account (an analysis of legal novelties)”. *Banking Law* 1: 44–49. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2020-1-44-49>, <https://elibrary.ru/xzbsmv>. (In Russian)

Sukhanov, Evgeny A. 1996. “Bank deposit”. In: Kozyr O.M., Makovsky A.L., Khokhlov S.A. (Eds.) *Civil Code of the Russian Federation. Part two. Text, comments, alphabetical index*. Moscow, Mezhd. tsentr finansovo-ekonom. razvitiia. <https://studfile.net/preview/16774126/page:19>. (In Russian)

Tagantsev, Nikolai S. 1871. *Criminal law course: Special part*. Saint Petersburg: 542 p. <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/19848/1/RuPRLIB20003794%201.pdf>. (In Russian)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/7

Дата поступления: 02.02.2023

рецензирования: 17.04.2023

принятия: 25.05.2023

Ата Г. Корпеев

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

О предмете преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, по уголовному законодательству России и Туркменистана

Аннотация: в статье проводится сравнительно-правовое исследование положений уголовных кодексов России и Туркменистана о предмете преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий). Рассмотрены доктринальные изыскания, касающиеся предмета вышеуказанных преступлений, а также рассмотрена судебная практика с целью приведения единообразия определения предмета преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий). Определяется, что предмет вышеуказанных преступлений является составной частью объекта преступлений; представлены различные классификации предмета преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий). Установлено, что предметом преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, являются имущество (вещного содержания) и информация.

Ключевые слова: информация; объект преступления; предмет преступления; преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Корпеев, Ата Г. 2023. “О предмете преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, по уголовному законодательству России и Туркменистана”. *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 18 (1): 20–24. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-1-20-24>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Ата Г. Корпеев, 2023

Ата Г. Корпеев, помощник ректора, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: atakor@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 02.02.2023

Revised: 17.04.2023

Accepted: 25.05.2023

Ата Г. Корпеев

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

On the subject of crimes committed with the use of information and telecommunication networks under the criminal legislation of Russia and Turkmenistan

Abstract: the article conducts a comparative legal study of the provisions of the criminal codes of Russia and Turkmenistan on the subject of crimes committed using information and telecommunication networks (technologies). Considers doctrinal research on the subject of the above crimes, as well as judicial practice, in order to bring uniformity to the definition of the subject of crimes committed using information and telecommunication networks (technologies). Also determines that the subject of the above crimes is an integral part of the object of crimes; considers various classifications of the subject of crimes committed

using information and telecommunication networks (technologies). It has been established that the subject of crimes committed with the use of information and telecommunications are property (property content) and information.

Key words: information; object of crime; subject of crime; crimes committed with the use of information and telecommunication networks.

Conflicts of interest: the author declared no conflicts of interest.

Citation: Korpeev, Ata G. 2023. "On the subject of crimes committed with the use of information and telecommunication networks under the criminal legislation of Russia and Turkmenistan". *Juridical Analytical Journal* 18 (1): 20–24. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-1-20-24>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© *Ata G. Korpeev, 2023*

Ata G. Korpeev, assistant to the rector, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: atakor@mail.ru

Введение

Предметом преступления в науке уголовного права XX века обыкновенно понимали материальные компоненты внешнего мира, на которые непосредственно воздействует преступник, осуществляя посягательство на соответствующий объект (Безверхов 2017, 75–78).

Такое понимание предмета преступления пришло в науку уголовного права из философских учений о материализме. Согласно философскому учению о материализме, под материальным компонентом внешнего мира подразумевают материальное явление, которое обладает телесным существованием и открыто для восприятия. Иными словами, материальное явление – это вещь, которую можно увидеть, потрогать. Таким образом, вещь – это отдельный предмет материального мира, обладающий относительной независимостью, объективностью и устойчивостью.

С точки зрения римского права под вещью (*res*) понимают не только материальные компоненты внешнего мира, но и всякое имущество, имеющее материальную ценность.

Данные концептуальные положения имеют релевантность и в современной науке уголовного права России и Туркменистана. Предметом преступления, указывает Наджафи Гусейн Магомед оглы, являются материальные феномены: вещи, ценности, материально выраженные части окружающей среды (Наджафи 2012, 125–127). По мнению М.П. Бикмурзина, предмет преступления – это указанные в уголовном законе объекты материально мира, путем создания которых или воздействия на которые осуществляется посягательство на объект преступления (Бикмурзин 2006, 17).

Код исследования

В российской и туркменской уголовной доктрине сложилась некая научная идеология, согласно которой под предметом преступления принято понимать те или иные вещи внешнего мира, с помощью которых причиняется вред объекту преступления. Однако следует заключить, что не все противоправные деяния совершаются путем воздействия на те или иные вещи внешнего мира. Поэтому в науке уголовного права предмет принято относить к факультативным признакам состава преступления. В этой связи все преступления можно подразделить на предметные, в которых предмет является обязательным признаком состава преступления, и беспредметные, в которых предмет отсутствует или не признается в качестве обязательного признака *corpus delicti*.

В Особенной части уголовных кодексов Российской Федерации (далее – УК РФ) и Туркменистана (далее – УК Туркменистана) предмет преступления указан не во всех случаях. Возьмем преступления, в качестве квалифицирующего признака которых выступает использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Не все такие общественно опасные деликты относятся к числу предметных. Так, по УК РФ явно не обладают предметными свойствами такие вышеуказанные общественно опасные деликты, как доведение до самоубийства (статья 110 УК РФ), организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (статья 110² УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера (статья 133 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (статья 151² УК РФ),

незаконные организация и проведение азартных игр (статья 171² УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганды терроризма (статья 205² УК РФ)¹, по УК Туркменистана – пропаганда агрессивной войны и открытые призывы к ней (статья 167 УК Туркменистан), призывы к наемничеству (часть 1 статьи 177 УК Туркменистана), призывы к насильственному изменению конституционного строя (часть 2 статьи 185 УК Туркменистана)².

В Особенной части уголовных кодексов Туркменистана и России также описаны преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), которые обладают предметными свойствами, данные преступления следует классифицировать по их социально-экономическим признакам:

1. Имущество – мошенничество в сфере компьютерной информации (статья 159⁶ УК РФ), манипулирование рынком (статья 185³ УК РФ), манипулирование рынком ценных бумаг (часть 1 статьи 267 УК Туркменистана).

2. Предметы, опасные для жизни и здоровья – незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов (пункт «в» части 3 статьи 222 УК РФ), незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств (пункт «в» части 3 статьи 222¹ УК РФ), незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (пункт «б» части 2 статьи 228.1 УК РФ), нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (часть 2 статьи 402 УК Туркменистана).

3. Различного рода произведения, документы – изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (пункт «г» части 2 статьи 242¹ УК РФ)

4. Природные богатства, экологические объекты – незаконные добыча и оборот особо цен-

ных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную Книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (пункт «б» части 2 статьи 258¹ УК РФ).

Очевидно, что в уголовном праве XXI века предмет преступления не может сводиться исключительно к вещам, тем более в условиях функционирования современной экономической системы, наличия информационно-телекоммуникационных сетей, технологий и инфраструктуры. Вещное и невещное понимание содержания предмета преступлений более всего соответствует современным реалиям.

Современная судебная практика диктует также новые подходы к кругу предметов преступных посягательств. Прежде всего это касается преступлений в сфере компьютерной информации, а также ряда других преступных посягательств, сопряженных с применением электронных или информационно-телекоммуникационных сетей и технологий. Предметом таких преступлений признаются не только вещи, иное имущество, но и информация, в том числе компьютерная информация.

Так, в соответствии с пунктами 2 и 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”», охраняемой законом компьютерной информацией являются любые сведения (сообщения, данные), представленные в виде электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи, для которых законом установлен специальный режим правовой защиты, ограничен доступ, определены условия отнесения их к сведениям, составляющим государственную, коммерческую, служебную, личную, семейную или иную тайну (в том числе персональные данные), установлена обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации и ответственность за ее разглашение, а равно обладателем информации установлены средства защиты, направленные на обеспечение ее целостности и (или) доступности³.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.02.1996 № 63-ФЗ. *Консультант Плюс*. Дата обращения 27 января 2023 г. <http://www.consultant.ru>.

² Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 № 222-1. *Нейтральный Туркменистан*. Дата обращения 27 января 2023 г. <https://metbugat.gov.tm/newspaper?id=8291>.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 “О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 27 января 2023 г. <http://www.consultant.ru>

Указанные сведения могут находиться в запоминающем устройстве электронно-вычислительных машин и в других компьютерных устройствах (далее – компьютерные устройства) либо на любых внешних электронных носителях (дисках, в том числе жестких дисках накопителях, флеш-картах и т. п.) в форме, доступной восприятию компьютерного устройства, и (или) передаваться по каналам электрической связи.

Конечно, и в специальной литературе имеется множество позиций, согласно которым следует пересмотреть «вещную» концепцию предмета преступления, так как век высоких технологий диктует свои правила, заключающиеся в рассмотрении информации, в том числе компьютерной информации, в качестве предмета преступления, несмотря на то что по своей сути информация не вписывается в концептуальные представления о предмете преступления, сложившиеся в науке уголовного права России и Туркменистана.

Так, профессор А.И. Чучаев в понятие предмета преступления включает не только предметы материального мира, но и нематериальные блага, под которыми понимается информация, интеллектуальные ценности (Журавлев и Наумов 2004, 67). Профессор С.В. Землюков под предметом преступления подразумевает предметы материального мира или информацию, путем создания которых и воздействуя на которые виновный осуществляет посягательство на объект преступления (Комисаров 2005, 154).

К тому же в комментариях к УК РФ и УК Туркменистана при описании «специальных» составов преступлений, расположенных в главе 28 УК РФ «Преступления против компьютерной информации»⁴ и главе 33 УК Туркменистана «Преступления против компьютерной информации»⁵, указывается, что предмет данных общественных отношений является нематериальный предмет (компьютерная информация). Указание на охраняемый законом характер компьютерной информации не позволяет очертить какие-то конкретные границы той информации, которая выступает предметом данного состава преступления, поскольку информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых от-

ношений, она может свободно использоваться любым лицом и передаваться одним лицом другому лицу (статья 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ⁶).

Из вышесказанного можно констатировать, что основные дискуссии происходят вокруг объема предмета преступления. Одни говорят, что это только материальные ценности, другие заявляют, что в объем предмета преступления также следует включить некоторые нематериальные объекты (информацию, интеллектуальные ценности и т. п.).

Одной из главных причин научного рассмотрения информации предметом преступления является ее возросшая ценность, так как информация выступает в качестве обеспечивающего ресурса для различной деятельности человека. В связи с этим изменение, потеря той или иной информации в процессе ее сбора, хранения, распространения и использования причиняют огромный ущерб личности, обществу и государству. Об этом свидетельствуют и статистические данные, так, по данным МВД России, за 2022 год совершено более 470,1 тысячи преступлений (на 5 % больше, чем в 2021 году), а по данным МВД Туркменистана, эта отметка составила около 205 тысяч таких преступлений (на 2 % больше, чем в 2021 году). В 60 % случаев именно информация, выраженная в знаках, программах, сообщениях являлась предметом совершенных общественно опасных деяний, средством совершения таких преступлений в основном являлись компьютеры (ноутбуки), телефоны, жесткие диски), программное обеспечение.

Из этого следует, что широкое понимание предмета преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), более всего соответствует современным реалиям, в которых одну из центральных ролей в общественных отношениях занимают высокие технологии.

Ввиду этого, по нашему мнению, стоит заключить, что правы те ученые-юристы, которые признают, что предмет преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), достаточно широк и включает в себя, помимо вещей (res), такие нематериальные блага, как информация (компьютерная информация). И это совсем не значит, что, по нашему мнению, нужно

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.02.1996 № 63-ФЗ в ред. от 21.11.2022. *Консультант-Плюс*. Дата обращения 27 февраля 2023 г. <http://www.consultant.ru>.

⁵ Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 № 222-І. *Нейтральный Туркменистан*. Дата обращения 27 января 2023 г. <https://metbugat.gov.tm/newspaper?id=8291>.

⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 27 января 2023 г. <http://www.consultant.ru>.

основательно пересматривать сложившуюся в науке уголовного права России и Туркменистана «вещную» концепцию предмета права, это значит лишь то, что с приходом в жизнь общества информационно-телекоммуникационных сетей (технологий) в обществе изменились ценностные ориентиры, в связи с этим, на наш взгляд, следует признать, что наряду с материальными компонентами внешнего мира предметом преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), могут являться и нематериальные по своей природе блага, например, такие, как информация (компьютерная информация).

Заключение

Подводя итог сравнительно правового исследования предмета преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в уголовно-правовой науке России и Туркменистана идентичные подходы к

пониманию предмета преступления, связаны с историческими предпосылками.

Во-вторых, можно констатировать, что преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), по УК РФ и УК Туркменистана могут быть как предметные, так и беспредметные.

В-третьих, в УК РФ перечень предметов преступлений, совершаемых использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), намного шире перечня предметов в УК Туркменистана.

В-четвертых, предметами преступлений, совершаемых использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), может являться как имущество вещного содержания, так и охраняемая уголовным законодательством России и Туркменистан ценная для личности, общества и государства информация.

Отметим также, что проблемы определения предмета преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (технологий), требуют дальнейших теоретических изысканий.

Библиография

Безверхов, Артур Г. 2017. “О предмете имущественных преступлений”. *Юридический вестник Самарского университета* 3 (4): 74–79. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35127000>, <https://www.elibrary.ru/rtfmct>.

Бикмурзин, Максим. 2006. *Предмет преступления: теоретико-правовой анализ*. Москва: Юрлитинформ.

Журавлев, Михаил, Анатолий Наумов. 2023. *Уголовное право России. Части Общая и Особенная*. Москва: Проспект: 693 с. <https://djvu.online/file/Ed14s9HSJNQGPyysclid=lt8d677gu4929324777>.

Наджафи, Гусейн М. 2012. “Предмет компьютерных преступлений”. *Вестник Института законодательства Республики Казахстан* 4: 125–127. <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-kompyuternyh-prestupleniy/viewer>.

Комиссаров, Владимир С. 2005. *Российское уголовное право. Общая часть*. Санкт-Петербург: Питер: 552 с. <https://djvu.online/file/BYdGuY1BMxеF9?ysclid=lt8cgjpdj191755960>.

Кадников, Николай. 2019. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный)*. Москва: ИД «Юриспруденция»: 1096 с. <http://jurisizdat.ru/new/intro/UKRF-2019.pdf>.

References

Bezverhov, Artur G. 2017. “On subject of property crimes”. *Juridical Journal of Samara University* 3(4): 74–79. <https://elibrary.ru/item.asp?id=35127000>, <https://www.elibrary.ru/rtfmct>. (In Russian)

Bikmurzin, Maksim. 2006. *The subject of the crime: theoretical and legal analysis*. Mosco: Iurlitinform. (In Russian)

Kadnikov, Nikolay. 2019. *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific practical, article-by-article)*. Moscow: ID “Jurisprudentsia”: 1096 p. <http://jurisizdat.ru/new/intro/UKRF-2019.pdf>. (In Russian)

Komissarov, Vladimir S. 2005. *Russian criminal law. General part*. Saint Petersburg, Piter: 552 p. <https://djvu.online/file/BYdGuY1BMxеF9?ysclid=lt8cgjpdj191755960>. (In Russian)

Najafi, Gusein M. 2012. “The subject of computer crime”. *Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan* 4: 125–127. <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-kompyuternyh-prestupleniy/viewer>. (In Russian)

Zhuravlev, Mikhail, Anatoly Naumov. 2023. *Criminal law of Russia. General and Special Parts*. Moscow, Prospekt: 693 p. <https://djvu.online/file/Ed14s9HSJNQGPyysclid=lt8d677gu4929324777>. (In Russian)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.14

Дата поступления: 14.01.2023

рецензирования: 17.02.2023

принятия: 25.05.2023

Анна А. Катасонова

АО «Согаз», г. Москва, Российская Федерация

Особенности доказывания виновности должностного лица при ненадлежащем оказании медицинской помощи

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы правоприменительной практики с целью выявления проблем и поиска их решения для повышения эффективности расследования преступлений при виновности должностного лица в ходе ненадлежащего оказания пациентам медицинской помощи. Автор отмечает, что, несмотря на повышенное внимание ученых к проблематике оказания медицинских услуг и квалификации преступлений, совершенных как медицинскими работниками, так и лицами, не имеющими медицинского образования, существует большое количество проблем, которые еще не нашли отражения ни в теории, ни на практике. Методологическая основа статьи проявляется через сбор, обработку, обобщение, анализ, интерпретацию исследовательского материала с применением различных методов: анализа, синтеза, сравнительно-правового, а также формально-юридического, являющегося основным методом познания и толкования содержания правовых предписаний.

Ключевые слова: преступления, совершенные медицинскими работниками; ненадлежащее оказание медицинской помощи; уголовное судопроизводство; следственные действия; субъекты оказания медицинской помощи.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Катасонова, Анна А. 2023. “Особенности доказывания виновности должностного лица при ненадлежащем оказании медицинской помощи”. *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 18 (1): 25–36. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-1-25-36>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Анна А. Катасонова, 2023

Анна А. Катасонова, представитель специалиста отдела медицинского контактного центра, АО «Согаз», 107078, Российская Федерация, г. Москва, проспект Академика Сахарова, 10.

e-mail: Annette_kayukova@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.01.2023

Revised: 17.02.2023

Accepted: 25.05.2023

Anna A. Katasonova

stock company “Sogaz”, Moscow, Russian Federation

Peculiarities of proving the guilt of an official in case of improper delivery of health care

Abstract: the article discusses issues of law enforcement practice to identify problematic issues and find answers to them in order to increase the efficiency of the investigation of crimes when an official is guilty of improper delivery of health care to patients. The author notes that despite the increased attention of scientists to the problems of providing medical services and the classification of crimes committed by both medical workers and persons without medical education, there are a large number of problems that have not yet been reflected either in theory or in practice. The methodological basis of the article is manifested through the collection, processing, generalization, analysis, interpretation of research material using various methods: analysis, synthesis, comparative legal, as well as formal legal, which is the main method of cognition and interpretation of the content of legal regulations.

Key words: crimes committed by medical workers; improper delivery of health care; criminal proceedings; investigative actions; subjects of medical care.

Conflicts of interest: the author declared no conflicts of interest.

Citation: Katasonova, Anna A. 2023. “Peculiarities of proving the guilt of an official in case of improper delivery of health care”. *Juridical Analytical Journal* 18 (1): 25–36. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-1-25-36>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Anna A. Katasonova, 2023

Anna A. Katasonova, representative of a specialist in the medical contact center department, stock company “Sogaz”, 10, Academician Sakharov Avenue, Moscow, 107078, Russian Federation.

e-mail: Annette_kayukova@mail.ru

Введение

Здравоохранение играет важную роль в обеспечении благополучия населения. Именно поэтому случаи противоправного поведения со стороны медицинских работников находятся в фокусе внимания. Защита здоровья граждан занимает важнейшее место среди государственных задач, а возможность получить квалифицированную медицинскую помощь является неприкосновенным правом каждого гражданина, гарантированным Конституцией Российской Федерации. За последние годы значительно чаще стали возбуждаться уголовные дела против медработников, а также лиц, не обладающих необходимой квалификацией или предоставляющих медицинские услуги, но не имеющих соответствующей лицензии. Чаще стали встречаться и уголовные дела, в которых вина медработника либо отсутствует, либо не доказана должным образом. В этой связи можно отметить сразу два проблемных момента: это качество медицинских услуг и верная квалификация преступлений, связанных с оказанием медицинских услуг.

При расследовании и раскрытии преступлений, связанных с причинением серьезных повреждений здоровью людей вследствие некомпетентного медицинского вмешательства, сталкиваются с несколькими значительными трудностями. Обнаружение таких случаев требует специализированных знаний в медицине, клинической психологии, фармакологии и медицинском оборудовании. Причинение тяжелого вреда здоровью человека в результате некомпетентной медицинской помощи часто остается незаметным и сталкивается с закрытостью корпоративного сообщества медицинских работников.

Ход исследования

Правовая природа раскрытия данных преступлений в уголовном судопроизводстве

сложна и многогранна. Разнообразие обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном деле, вызвало необходимость выделения основных, несущих для дальнейшего процесса определяющее значение. Предмет доказывания формирует совокупность деталей, в числе которых особое внимание необходимо уделять объективным признакам, которые описывают событие преступления.

При детальном рассмотрении преступления (времени и места, способа и иных обстоятельств) речь прежде всего ведется об объективных признаках, которые определяют характер события преступного деяния. Определение факта совершения этого деяния, по которому и было возбуждено уголовное дело, а равно выявление признаков данного деяния, считающихся преступлением, – это основные задачи.

Событие преступного деяния не является собой абстрактную категорию, это конкретное деяние, объективные признаки которого полностью соответствуют особенностям определенного преступного состава.

Следовательно, при разборе случаев, когда медработники причиняют вред здоровью и жизни граждан при выполнении своей работы, необходимо выяснить следующее:

– событие преступления – совершенное человеком определенное незаконное действие или бездействие. Так, можно установить, что имели место отказ в предоставлении больному помощи (статья 124 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) либо ненадлежащее выполнение медработником его профессиональных обязанностей (часть 2 статьи 109, часть 2 статьи 118, часть 4 статьи 122 УК РФ). Необходимо выяснить, при каких именно обстоятельствах пострадал пациент, что стало причиной его обращения за медпомощью, когда началось течение заболевания (когда была получена травма и проч.), имела ли место предыдущая медпомощь, в том чис-

ле методы обследования, диагноз, проводимое лечение;

– при детальном разборе деятельности медработника надо более тщательно изучить, какие именно он предпринял шаги в ходе выполнения профессиональных обязанностей. Дать оценку, соответствуют ли его действия требованиям и стандартам, которые установлены для этого конкретного вида патологии. Важно принять во внимание индивидуальные особенности состояния пациента, а также конкретные условия, при которых была оказана медпомощь – доступность определенных методов лечения, технические и прочие возможности медучреждения. В случае когда в ходе такого сопоставления будет выявлено, что медработником не были выполнены определенные действия, которые предполагаются по стандартам, либо же им были нарушены положения и инструкции, которые регулируют его профессиональную деятельность, данное поведение может быть рассмотрено как ненадлежащее исполнение медработником его профессиональных обязанностей. При этом подразумевается, что медработник обязан следовать установленным протоколам и процедурам, деятельность его должна быть направлена исключительно на максимально эффективное предоставление пациенту необходимой медпомощи;

– требуется определить, какие именно последствия имели место в результате деятельности медработника (тяжкий вред здоровью, приведший к смерти, передача ВИЧ-инфекции и проч.);

– необходимо выяснить, имеет ли место причинно-следственная связь между тем, какие действия совершал медработник, и наступившими после них последствиями. Иначе, надо определить, спровоцированы ли нежелательные результаты ошибками, которые допустил врач при лечении, или особенностями организма пациента;

– важно установить, кем именно была оказана медпомощь, а также кто должен был предоставить ее согласно закону. С этой целью изначально надо указать полную достоверную информацию о человеке: ФИО, дату его рождения, гражданство, национальность, образование, семейное положение, информацию о членах его семьи, место учебы или работы, должность и род занятий, адрес его проживания, наличие у него судимости, запросить характеристику с места работы, места жительства, уточнить состояние здоровья;

– надо выяснить, есть ли у виновного лица право на занятие медицинской деятельностью и на оказание соответствующей медпомощи. Это должно включать в себя проверку, является ли данное лицо медработником, есть ли у него соответствующая квалификация, имеется ли право на профессиональную деятельность. Важно также определить, обязано ли это лицо предоставлять медпомощь согласно действующему законодательству, в том числе в таких случаях, как бывшие медработники; врачи на пенсии; лица, имеющие медицинское образование, но по специальности не работающие; медработники, которые находятся в трудовом отпуске;

– требуется рассмотреть, какое образование у виновного лица (номер государственного диплома, наличие лицензии для занятий медицинской деятельностью или сертификата специалиста). Устанавливается также и медицинский стаж, наличие либо отсутствие врачебной категории, а также специального звания у того, кто выполнил свои профессиональные обязанности ненадлежащим образом либо не предоставил помощь пациенту без уважительных на то причин. Рассматривается, какие именно инструкции и правила должны регламентировать его работу, какие полномочия и обязанности предоставлены данному лицу. Выясняется также, имела ли место вина исключительно по неосторожности, по небрежности или легкомыслию;

– выясняется, имела ли место вина исключительно по причине неосторожности, например из-за небрежности или легкомыслия (Иванов 2009, 70).

Собираются данные о пострадавшем лице:

– личные данные (ФИО, пол, дата рождения), профессия и риски для здоровья, с ней связанные. Рассматривается также состояние здоровья данного лица до происшествия, анамнез травм, операций, заболеваний, наличие у него хронических заболеваний. Очень важно обращать внимание на тот факт, было ли потерпевшее лицо в здоровом состоянии на тот момент или уже сталкивалось с аналогичными проблемами до совершения преступного деяния;

– устанавливаются объем и характер вреда, который был причинен потерпевшему в результате рассматриваемого преступного деяния;

– момент обращения данного лица за медпомощью (время, какой врач, в каком учреждении), соответствующая запись в медицинской

документации (симптомы, характер болезни, жалобы пациента, развитие и течение заболевания, общее состояние здоровья), дата, когда медработник несанкционированно или небрежно выполнил свои профессиональные обязанности либо, наоборот, отказался от их выполнения, момент, когда наступил вред здоровью (смерть, ВИЧ-инфекция) – до начала оказания медпомощи, после того, как ее начали оказывать, но до момента причинения вреда (смерти) либо же после выполнения медработником определенных медицинских манипуляций (и каких именно);

– где имел место вред здоровью (в амбулаторных условиях, в стационаре, дома, на улице), т. е. определяется конкретное место;

– проводится проверка обстоятельств, которые могут сделать рассматриваемое деяние не преступным и, соответственно, наказанию не подлежащим (обоснованный риск, случайное происшествие, крайняя необходимость);

– обстоятельства, отягчающие либо смягчающие наказание;

– обстоятельства, могущие освободить медработника от понесения уголовной ответственности и наказания или, наоборот, способствовать совершению преступного деяния.

Следователь на этапе проверки в деталях должен рассмотреть представленные ему материалы, досконально оценивая их полноту и законность. Им принимается взвешенное, обоснованное решение о возможности начать производство по уголовному делу либо начать дополнительный сбор информации. При расследовании такие важные обстоятельства дадут возможность определить общую стратегию и четкую последовательность дальнейших процессуальных шагов. Это обстоятельство имеет критическое значение при принятии взвешенного решения по вопросу возможного привлечения медперсонала к ответственности при серьезных последствиях.

Подобные действия могут служить преградой для необоснованных обвинений в адрес медработников, предупреждая ошибочные утверждения, которые могут быть основаны не на их недобросовестном выполнении своих профессиональных обязанностей, а, к примеру, на определенных сложностях в проведении диагностики, на отсутствии научно обоснованных методов лечения либо на иных объективных обстоятельствах. Указанные обстоятельства на последних этапах расследования могут стать основой для более тщательной проверки и анализа имеющихся у следствия и суда до-

казательств, что способствует верному, обоснованному вынесению решения судом.

Можно утверждать, что в уголовном деле предмет доказывания – это важнейшие факты, которые нуждаются в доказывании либо опровержении, чтобы выдвинуть обоснованное обвинение против конкретного лица либо не выдвигать таких обвинений (Лазарева 2007, 76).

Пределы доказывания – границы, определяющие, какие доказательства и сколько их нужно для полного, тщательного, объективного рассмотрения конкретной ситуации в рамках одного уголовного дела. Когда такие пределы определены, органы предварительного расследования и суд уже могут решать, как более подробно изучать разные аспекты дела. Сюда может входить уточнение конкретных фактов, требуемый объем доказательной базы для подтверждения таких фактов, проверку разных версий одного события. Иначе говоря, определение пределов доказывания – важнейший аспект при расследовании уголовных дел. Пределы доказывания характеризуются с качественной и количественной стороны. При расследовании ятрогенных преступлений проводится достаточно большое количество следственных действий. В частности, проводятся:

- осмотр;
- освидетельствование;
- обыск;
- следственный эксперимент;
- обыск;
- выемка;
- допрос;
- очная ставка;
- судебная экспертиза;
- получение образцов для сравнительного исследования;
- наложение ареста на почтово-телеграфные отправления.

Но наибольшее значение имеет в разрешении вопроса о виновности конкретного лица в совершении данных преступлений судебная экспертиза. Данный вид следственного действия проводится неоднократно по этой категории преступлений, а также назначается комиссия экспертная с постановкой вопросов перед экспертной комиссией для получения ответов по существу.

В рамках расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с некачественной медпомощью, важнейшим этапом является проведение выемки и обыска. Это нужно для получения медицинских документов и других объектов, могущих содержать данные о том,

как проводились диагностика и лечение болезни. Указанные действия следователей считаются срочными в таких делах, т. к. заинтересованные лица могут попытаться фальсифицировать либо уничтожить эти документы.

При выемке или обыске в медучреждении, где оказывали помощь пострадавшему, важно найти и изъять все необходимые в данном случае документы (вроде амбулаторной медицинской карты пациента, журнала приема пациентов и отказов в госпитализации, медицинской карты стационарного больного, карты беременной и родильницы, журнала операций в стационаре, карты диспансерного наблюдения и т. п.).

Исходя из материалов уголовного дела, изученного на практике, особое значение придавалось изъятых медицинской документации и анализу ее заполнения в соответствии с требованиями Министерства здравоохранения. Так, по предоставленным уголовным делам были найдены неточности в ведении историй болезни, так как отсутствовали необходимые анализы, которые согласно выставленному диагнозу и требования Министерства здравоохранения должны проводиться.

Сведения о том, сколько должны храниться соответствующие медицинские записи, можно найти в документе Министерства здравоохранения РФ № 13-2/1538 от 07.12.2015.

В протоколе осмотра записывают информацию по внешнему виду документа: его общему виду, названию, номерам и деталям, содержанию, наличию подписей, печатей, штампов. При осмотре важно обратить внимание на признаки возможной подделки (исправления, подчистки, отсутствия страниц и/или их частей в журналах и медицинских картах, несоответствия между разными страницами), что может свидетельствовать о том, что документ был изменен или заполнен заново после того, как он был создан изначально (Багмет 2018, 159).

Согласно ст. 170 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), необходимость участия свидетелей в осмотре документов может определяться по решению следователя. Если следователь считает, что участие свидетелей не нужно, он обязан применить технические средства для фиксации хода и результатов осмотра. Фото- или видеозаписи документов рекомендуется делать таким образом, чтобы максимально точно передать их содержание. Если возможно, следует также сделать копии документации, которые не только сохраняют результаты осмотра, но и могут быть полезны при выполнении различных

следственных и иных действий, когда оригиналы документов оказываются временно недоступными (например, если они находятся на экспертизе). Применение технических средств и снятие копий с документов в ходе осмотра являются важными шагами, обеспечивающими подтверждение достоверности информации и возможность выполнения следственных действий даже в случае длительного отсутствия оригиналов.

При проверке компьютера и просмотре его содержимого важно соблюдать определенные правила. В частности, надо сохранить информацию, которая на нем имеется, привлечь специалистов для того, чтобы случайно не повредить устройства и не удалить данные, разобраться с паролями и кодами доступа, выполнить копирование программ и файлов. Также нужно грамотно упаковать изымаемые предметы, предотвращая возможность их порчи или несанкционированного доступа к ним.

Осмотр помещений медучреждений, где лечился пострадавший, представляет собой важную процедуру, обеспечивающую тщательную проверку условий, в которых находился пациент. Главная задача такого осмотра – убедиться, что эти помещения соответствуют установленным нормативам и требованиям. В процессе осмотра также выявляются факторы, которые могли нести угрозу для здоровья и жизни пациентов. Проведение такого осмотра является особенно целесообразным с участием в нем специалистов. Эксперты, обладая соответствующими знаниями и опытом, могут более точно оценить условия, влияющие на благополучие пациентов, и выявить потенциальные нарушения стандартов. Такой комплексный подход к осмотру помещений медучреждений способствует обеспечению эффективности и безопасности лечебного процесса.

В некоторых случаях, чтобы доказать, что медработники не предоставили нужную помощь пациенту, требуется проверить, имеется ли в их учреждении нужное для этого медицинское оборудование. Это может стать доказательством того, что они могли, но не оказали требовавшуюся помощь.

Если нужно выяснить, как используются препараты в медучреждении, проводят инвентаризацию, проверку документов, ревизии. Это помогает установить, имели ли место избыточное количество или дефицит лекарств.

При анализе уголовных дел, связанных с ненадлежащим поведением медработников, было выявлено, что они обычно утверждают, что не

имеют отношения к смерти пациента, описывают разные версии событий, стараясь запутать следователя. Выявление фальсификаций в таких ситуациях является сложной задачей, и часто решить ее можно только с помощью проведения следственного эксперимента.

Следственный эксперимент – это процесс, в ходе которого следователь проверяет, какие действия были совершены конкретным лицом в существовавших условиях. Иногда для более глубокого и полного понимания происходящего требуется участие специалиста, обладающего специфическими знаниями. Его содействие предполагает помощь следователю в правильном воссоздании ситуации, а также фиксации итогов следственного эксперимента. Данный метод является очень важным инструментом в расследовании случаев медицинских преступлений.

В ходе исследования установлены общие ситуации, часто встречающиеся в начале расследования уголовных дел по поводу неправильного оказания медпомощи:

1) пострадавший подает заявление, в котором он высказывает свои претензии к определенному медработнику и описывает признаки предполагаемых противоправных действий, ставших причиной серьезных проблем со здоровьем, например:

- сведения о нарушениях правил лечения каких-либо этапах;
- возражения по поводу установленного клинического диагноза;
- данные о неточном, неправильном, недостаточном лечении на разных этапах;
- информацию о несвоевременном решении проблемы пациента и т. д.;

2) вышеуказанное заявление пациента дополняется врачебным заключением, формируемым либо врачом-экспертом в области медицины, либо лицом, имеющим лицензию на выполнение экспертизы и предоставление заключений по качеству оказанной медпомощи;

3) прокурор формирует отчет по рассмотрению жалобы пациента и его претензий по поводу действий медработника при оказании медицинской помощи, которые могли привести к серьезным проблемам со здоровьем пациента (Плавинская 2020, 25).

По каждому из указанных пунктов имеются набор достоверной информации и своя тематика преступления. На их основе устанавливаются цели и задачи проверки, выбирается тактика

неотложных следственных действий, определяются особенности организации первого этапа расследования. При открытии уголовного дела, связанного с врачебной ошибкой, следователь на начальном этапе расследования должен разобрататься в трех ключевых вопросах:

1. Каков был правильный вариант действий врача в данной ситуации при оказании медпомощи пациенту;

2. Как врач действовал в этой ситуации на самом деле (использовал ли все знания и ресурсы, были ли его действия своевременными и безопасными, насколько полно он выполнил свои обязанности);

3. Какие конкретно ошибки и нарушения правил предоставления медпомощи были допущены врачом (тут требуется экспертное мнение специалиста в соответствующей области).

В процессе расследования следователь должен разрешить несколько ключевых вопросов:

- какие негативные последствия возникли;
- почему пациент обратился в медучреждение, какая помощь ему требовалась, как и когда появилось соответствующее заболевание, в какие другие лечебные учреждения пациент обращался за медпомощью ранее, какие методы диагностики и обследования назначались и выполнялись пациенту, какие медицинские процедуры были проведены, как протекало лечение пациента и т. д.;

– в чем заключается факт того, что конкретный медработник не выполнил свои профессиональные обязанности. Для этого следователем проводится беседа с пациентом или его представителем, в ходе которой выясняется, имело ли место бездействие или ненадлежащее выполнение медицинских манипуляций. Затем следователь анализирует полученные данные, устанавливает наличие или отсутствие причинно-следственных связей и степень их влияния на неблагоприятный исход лечения;

– какие медицинские вмешательства проводились, имеет ли медработник, выполнявший их, соответствующую квалификацию;

– какова характеристика подозреваемого медработника (его профессиональные навыки, уровень квалификации, имеются ли все подтверждающие документы, как о нем отзываются коллеги по месту работы и соседи по месту жительства и т. д.);

– виновен ли медработник в произошедшем. Важно помнить, что исход при выполнении медицинских процедур не всегда зависит только от состояния здоровья пациента. Здесь необ-

ходимо изучение медицинской документации, где указаны диагноз, использованные методы обследования, медицинские технологии и перечень лекарственных препаратов, применявшихся в лечении;

- имела ли место небрежность при выполнении медицинских процедур;

- каков диагноз пострадавшего, его общее состояние, уже имеющиеся заболевания, травмы, хронические болезни;

- какой масштаб и характер отрицательных последствий для здоровья пациента, возникших в результате медицинских процедур или вмешательств;

- где и когда пострадавшему стали известны сведения о неблагоприятных последствиях (до, в процессе либо после медицинского вмешательства);

- какие причины могли помешать предоставлению качественной медпомощи;

- какие факторы, разрешенные для использования в суде, могут смягчить или усугубить положение медработника, привлекаемого к уголовной ответственности (Степанов 2002, 114).

Ответы на эти вопросы помогут следовательно в планировании расследования преступления, связанного с ненадлежащим оказанием медпомощи. Ниже представлены основные шаги, которые в этом случае должен предпринять следователь:

- узнать, как предоставлялась медпомощь пациенту, изучить правила и стандарты медпомощи, чтобы суметь выявить и зафиксировать нарушения;

- собрать сведения о медработнике, допустившем нарушение (его характеристике с места работы, наличии подобных нарушений в прошлом, повседневном образе жизни, признаках асоциального поведения и т. д.), что поможет сформировать полное представление о ситуации;

- включить в план следствия проведение неотложных действий вроде изъятия документов, осмотра места происшествия, допросов, медицинского обследования пострадавшего и проч. Эти шаги помогут выяснить обстоятельства и условия предоставления медпомощи, определиться с наличием возможных нарушений стандартов, зафиксировать и сохранить следы преступления, является ключевым в процессе расследования (Плавинская 2020, 5).

Особенностью ятрогенных преступлений выступает наличие достаточного количества следов (записи в медицинских документах,

наличие следов на теле пациента (потерпевшего), присутствие (отсутствие) остатков ряда препаратов в организме потерпевшего, использовавшихся при осуществлении медицинской помощи). Факт ненадлежащего выполнения медицинских манипуляций, приведших к утрате здоровья (летальному исходу), могут подтвердить свидетели произошедшего (Багмет 2018, 159).

В ходе анализа предоставленных уголовных дел были получены следующие результаты. В результате смерти труп поступает на вскрытие в морг лечебного учреждения, где проходил лечение, или в бюро судебно-медицинской экспертизы, данного города и региона, в котором произошло преступление, поэтому крайне сложно отделить возможную заинтересованность лиц в помощи своим коллегам. В связи с этим крайне важно проведение повторной судебно-медицинской экспертизы в другом регионе. В предоставленных уголовных делах были проведены повторные экспертизы, например в г. Нижний Новгород, г. Казань. Зачастую о повторной экспертизе подают ходатайство и сами потерпевшие.

Важную роль играет заключение экспертной комиссии. Результаты проведения такого вида судебно-медицинских экспертиз до настоящего времени продолжают оставаться спорными, сами экспертизы – наукоемкими, а тенденция к росту их назначения продолжает сохраняться. Одной из основных организационно-процессуальных проблем их проведения, в том числе обуславливающих их длительность, является необходимость привлечения в состав экспертной комиссии не находящихся в штате государственных судебно-медицинских экспертных учреждений высококвалифицированных, постоянно практикующих специалистов клинического профиля, работающих в медицинских организациях системы здравоохранения и в учреждениях высшего профессионального медицинского образования. Фактически это комплексные, а не комиссионные экспертизы, требующие применения различных специальных познаний в области медицины и фармации.

Проводя судебно-медицинскую экспертизу по так называемому «врачебному делу», экспертная комиссия в первую очередь должна анализировать соблюдение при оказании медицинской помощи пациенту порядков оказания медицинской помощи, стандартов медицинской

помощи и клинических рекомендаций (протоколов лечения) по вопросам оказания медицинской помощи, разработанных и утвержденных в соответствии с частью 2 статьи 76 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ.

При проведении судебно-медицинской экспертизы по ятрогенным преступлениям экспертная комиссия в обязательном порядке должна руководствоваться критериями оценки качества медицинской помощи, утвержденными уполномоченным федеральным органом исполнительной власти – Министерством здравоохранения Российской Федерации. Критерии сформированы на основе порядков оказания медицинской помощи и стандартов медицинской помощи, утвержденных Министерством здравоохранения Российской Федерации, клинических рекомендаций (протоколов лечения) по вопросам оказания медицинской помощи, разработанных и утвержденных медицинскими профессиональными некоммерческими организациями.

Таким образом, можно сделать вывод, что доказывание преступлений связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи имеют свою сложную специфику, для расследований которых необходимы знания в области медицины, а также наличие консультанта-эксперта с медицинским образованием.

Также хочется обратить внимание на один из источников получения фактических данных, таких как свидетельские показания. Показания потерпевшего оказывают огромное влияние на дальнейший ход расследования преступления, так как зачастую считается, что именно пациент должен доказать вину медицинского работника и, как следствие, лечебного учреждения. Однако, на наш взгляд, именно лечебное учреждение должно показать, что сделало все необходимое для правильного оказания медицинской помощи и соблюдения всех прав пациента. Свидетельские показания также особо важны в данной категории преступлений, так как именно по ним очень часто можно проследить, как сотрудники лечебного учреждения пытаются фальсифицировать действия виновного.

В качестве примера можно обратиться к уголовному делу № 1-48/2021, в котором свидетели со стороны обвинения, сотрудники лечебного учреждения, озвучивали, что действия врача акушера-гинеколога были последовательны и соответствовали стандартам оказания медицинской помощи при родоразрешении. Одна-

ко свидетели, которые также дали показания и находились в этот же день в родильном доме, полностью опровергли первичные показания сотрудника (медицинской сестры), подробно описав проходивший осмотр врача в приемном покое и его дальнейшие действия.

В связи с этим можно сделать вывод о покрывательстве медицинскими сотрудниками друг друга и взаимной выручке, что является проблемой при расследовании данных преступлений для сотрудников Следственного комитета в связи с отсутствием первичных знаний медицинской помощи, а также медицинских приказов Министерства здравоохранения.

Изучение обозначенных выше деталей позволяет органам следствия получить представление о подробностях и ходе преступления, в т. ч. о его времени, месте и прочих обстоятельствах. На начальном этапе расследования следователю необходимо:

- 1) выполнить анализ информации о преступлении;
- 2) убедиться в ее достоверности;
- 3) найти доказательства совершения преступления;
- 4) установить лиц, выполнявших медицинские манипуляции, которые стали причиной серьезных последствий для пациента, в т. ч. в виде утраты здоровья или летального исхода.

Здесь необходимо привлечь к расследованию опытного врача-эксперта, обладающего глубокими практическими и теоретическими знаниями по рассматриваемому вопросу, который поможет следователю в проведении дальнейших шагов.

На этапе расследования нужно разобраться во множестве справочных и правовых документов (стандартах, инструкциях, регламентах, содержащих указания по оказанию медпомощи при конкретных состояниях, например различных заболеваниях или беременности). Также следует проверить медицинские документы (протоколы различных комиссий, заключения специалистов и т. д.) на наличие противоречий. Далее нужно определиться с тем, кого допросить, сформулировать вопросы для разных лиц, включая судебно-медицинского эксперта. Во многих ситуациях бывает сложно установить всех медработников, оказывавших помощь пациенту, и определить, чьи именно действия могли привести к тяжким последствиям.

У теоретических основ анализа преступных деяний огромная важность, так как они помогают при формировании модели, обеспечива-

ющей предположения и дополнения недостающих деталей преступных деяний. Преступники свои действия стараются максимально скрыть, теоретическая модель же дает возможность разрабатывать теоретические предположения, заполняя пробелы в недостающих деталях и информации, чтобы получить более полное понимание картины преступления (Карепанов Н.В., Карепанов Г.Н. 2008, 56).

Важно формировать теоретическую модель преступления исключительно в тех случаях, когда обнаруживается связь между ее частями. Такие части могут оказаться полезными при выяснении того, в каком направлении целесообразно двигаться в расследовании и в процессе формулировании предположений, то есть практическую значимость теоретическая модель криминалистической характеристики преступления приобретает только тогда, когда выявляется взаимосвязь между ее составляющими, могущими, в свою очередь, стать полезным ориентиром для определения пути расследования и формулирования разных версий (Клевнов, Максимов 2017, 145).

Вопросы доказательств, их свойств и оценки – одни из самых спорных в науке уголовного процесса. Действующее законодательство не оставляет за субъектами, ведущими процесс по уголовным делам, абсолютное право в собирании доказательств. Уголовно-процессуальным законом участникам уголовного процесса предоставлено право собирать и представлять суду доказательства, однако крайне важен вопрос оценки представленных доказательств. Важность темы подчеркивается не только теоретическим, но и большим практическим значением проблем оценки доказательств.

Дела о медицинских преступлениях в силу их специфики представляют значительную сложность для правоприменителей. При этом основная цель возбуждения уголовного дела – не обязательное (непременное) привлечение врача к уголовной ответственности, направление дела в суд, а проведение полного, всестороннего и объективного расследования, установление в итоге объективной истины по делу.

В данном случае установление прямой или непосредственной причинной связи, то есть события, вызванного общественно опасным действием и приведшего к преступному результату, происшедшего без присоединения иных независимых сил, существенных сложностей обычно не вызывает. Однако неблагоприятный

исход заболевания в реальной жизни обуславливается, как правило, рядом причин: характером и тяжестью течения патологического процесса, несвоевременной госпитализацией в стационар, недостатками в диагностике и лечении в стационаре, несоблюдением рекомендаций лечащего врача самим потерпевшим. При наличии такого количества причин, когда действие медицинского работника является одним из звеньев причинной цепи, лишь, в конечном итоге приводящей к причинению вреда, сложно установить соотношение объективных (не зависящих от медиков) и субъективных причин неблагоприятного исхода лечения.

Необходимо учитывать, что ненадлежащие действия любого из медработников спустя определенное время могут повлиять на последующие лечебно-диагностические мероприятия, приводя в конечном итоге к неблагоприятным последствиям.

Важно подчеркнуть, что некая ошибка, допущенная в ходе оказания медпомощи на определенном этапе, может быть обусловлена ошибкой, допущенной ранее (например, низкий уровень организации медпомощи может стать причиной ошибки в диагностике, а ошибка в диагностике – причиной ошибок в лечении).

При выявлении связи между отрицательными последствиями и различными ошибками следует найти главную причину, решающе повлиявшую на всю оказываемую медпомощь, и также установить ошибку, вызвавшую эти последствия. Нужно помнить о том, что не всегда главную роль играет первая совершенная ошибка, так как ошибки, ставшие ее следствием, не обязательно выступают основными причинами дальнейших проблем со здоровьем пациента. Основным фактором может являться одна из совершенных позже ошибок, которая привела к отрицательным последствиям, либо ошибки, из-за которых эти последствия возникли сразу.

В настоящее время в России законы не дают четкого определения термину «врач». Трактовка статуса врача в соответствии с его деятельностью в современной юридической науке и практике остается неясной. Кроме того, при рассмотрении случаев профессиональных ошибок медработников в суде понятие «должностное лицо» не используется.

И здесь возникает неясность, что именно нужно доказать. Фактически ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей подразумевает совершение действий, не соот-

ветствующих официальным правилам и могущих привести к смерти пострадавшего или возникновению вреда для его здоровья. Конкретные обязанности врача определяются в его трудовом договоре и должностных инструкциях. Там указывается, каким нормативным актам, инструкциям, правилам должна соответствовать выполняемая им работа, то есть, чтобы выяснить, нарушил ли врач свои обязанности, нужно скрупулезно изучить сам список обязанностей, установленный для него трудовым контрактом и должностными инструкциями, и разобраться, выполнял ли он свою работу согласно всем правилам и предписаниям. Как известно, основные доказательства в вопросах медицинского характера могут быть получены благодаря судебно-медицинской экспертизе, в рамках которой выполняются полный осмотр пациента либо трупа, проведение необходимых исследований и анализов с последующей оценкой их результатов, изъятие и рассмотрение медицинских записей, сделанных в процессе лечения, беседа со свидетелями и т. д.

Заключение

Медицинская деятельность является сложносоставной и многогранной структурой. Субъекты медицинской деятельности многообразны и имеют свои особенности: от профильного образования до наличия определенных обязанностей. Отличительной особенностью данных субъектов служит наличие специального статуса у медицинского работника, который отмечается рядом авторов.

Ятрогенные преступления совершаются, если врачами не соблюдаются все необходимые, общепринятые методы лечения определенных заболеваний. Как правило, если врач совершает профессиональную ошибку, это может быть связано с нехваткой у него опыта, а равно с недостаточным обследованием, а порой с ошибками или неполадками медицинского оборудования. Уголовный кодекс Российской Федерации показывает, что каждый состав преступлений, связанный с ятрогенией, имеет свои особенности: субъектный состав, особенности доказывания. Особое внимание уделяется Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», так как базовые понятия оказания медицинской помощи раскрываются в данном законе.

Однако, несмотря на научно-технический прогресс, врачебные ошибки часто встреча-

ются. С моральной точки зрения главное для медицинского работника, который совершил ошибку, не пытаться переложить ее на плечи другого человека. С точки зрения правоведов, термин «врачебная ошибка» понимается как общественное опасное действие и, как следствие, возможная ответственность за нее. Однако нормативно-правовые акты действующего законодательства не дают определения квалификации неправильных действий медицинских работников. Установление последовательности действий, которые привели к данной ошибке, напрямую влияет на квалификацию преступления. В связи с этим возникает сложность у сотрудников правоохранительных органов, так как отсутствуют необходимые знания в данной области.

Уголовные дела о ятрогенных преступлениях в силу своей специфики представляют значительную сложность для представителя закона. Особая сложность проявляется при сборе доказательной базы, так как лица с медицинским образованием являются экспертами в своей области, что способствует проявлению профессиональной солидарности друг другу и, как следствие, стремлению к укрывательству преступлений. Поэтому крайне важно установить обстоятельства, собрать информацию и правильно оценить представленные доказательства в виновности должностного лица, определить предмет и пределы доказывания по уголовному делу.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что доказывание преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, имеет свою сложную специфику. Для расследования данных преступлений необходимы профессиональные знания в данной области, а также приглашение консультанта-эксперта.

Чтобы разобраться в преступлениях в сфере медицины, требуется:

- 1) скрупулезно рассмотреть все сведения о произошедшем преступлении;
- 2) проверить их достоверность;
- 3) приложить максимальные усилия к поиску доказательств совершения преступления;
- 4) определить, кто из медработников проводил медицинские процедуры, приведшие к ухудшению здоровья или смерти пострадавшего.

При анализе практики данной категории дел можно сделать вывод, что данные преступления встречаются нечасто. Особое внимание уделяется заключению судебно-медицинской экспертизы. Однако результат данной экспертизы

до настоящего времени продолжает оставаться спорным. Это объясняется тем, что вскрытие производится моргом того города, в котором произошло данное преступление, а следовательно, не исключает заинтересованности лиц в помощи коллегам и, как следствие, приводит к необходимости в проведении повторных экспертиз. Анализируя полученную информацию и отобразив в описательной части данной статьи, можно подытожить, что привлечение экспертной комиссии является обязательным по

данной категории дел, так как именно их экспертное заключение дает ответы на поставленные вопросы перед следствием.

Исследование особенностей доказывания уголовных дел, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, изучение вопросов, связанных с назначением судебно-медицинских экспертиз, а также привлечение специалистов с профильным образованием для консультирования являются важными задачами, стоящими перед практиками уголовного производства.

Библиография

Багмет, Анатолий М. 2018. *Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (iatrogenных преступлений): учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция*. Москва: Юнити-Дана: 159 с. <http://clinpharmstep.ru/sites/default/files/Расследование%20ятрогенных%20преступлений%20медработников.pdf>.

Иванов, Виктор Г. 2009. “Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступлений, совершенных медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности”. *Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право* 9 (1): 86–88. https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/izvestia/full/Ivanova_2.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=12979158>. EDN: <https://elibrary.ru/kyapjv>.

Карепанов, Николай В., Григорий Н. Карепанов. 2008. “Криминалистическая классификация преступлений. Порядок построения, определение понятия преступления, его криминалистические признаки и существенные элементы”. *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения* 1: 102–108. <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-klassifikatsiya-prestupleniy-poryadok-postroeniya-opredelenie-ponyatiya-prestupleniya-ego/viewer>.

Клевнов, Владимир А., Александр В. Максимов. 2017. “К вопросу о классификации и терминологии экспертных ошибок”. *Судебная медицина* 3 (2): 8–11. <http://dx.doi.org/10.19048/2411-8729-2017-3-2-8-11>.

Лазарева, Валентина А. 2007. *Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие*. Самара: Самарский университет: 303 с. <http://repo.ssau.ru/bitstream/Uchebnye-izdaniya/Problemy-dokazyvaniya-v-sovremennom-ugolovnom-processe-Rossii-ucheb-posobie-Tekst-elektronnyi-90369/1/Лазарева%20В.А.%20Проблемы%20доказывания%202007.pdf?ysclid=lt5qd3y0fb937606513>.

Плавинская, Анастасия В. 2020. *Теория и практика расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности: магистерская диссертация*. Томск: 101 с. <https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2020/07/Плавинская-Анастасия-Владиславовна.pdf?ysclid=lt5qgo0zjg780550239>.

Степанов, Владимир В. 2002. “Предмет доказывания как элемент методики расследования”. *Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Краснодар. <https://studfile.net/preview/5909852/page:17>.

References

Bagmet, Anatoly M. 2018. *Investigation of crimes committed by medical workers through negligence (iatrogenic crimes): study guide for university students studying in the field of training Jurisprudence*. Moscow, Iuniti-Dana: 159 p. <http://clinpharmstep.ru/sites/default/files/Расследование%20ятрогенных%20преступлений%20медработников.pdf>. (In Russian)

Ivanov, Victor G. 2009. “Circumstances, are Subjected but the Ascertainment during the Investigation of Crimes Committed by the Medical Workers in the Process of their Professional Activity”. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law* 9 (1): 86–88. https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/izvestia/full/Ivanova_2.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=12979158>. EDN: <https://elibrary.ru/kyapjv>. (In Russian)

Karepanov, Nikolay V., Grigory N. Karepanov. 2008. “Forensic classification of crimes. The order of construction, the definition of the concept of crime, its forensic characteristics and essential elements”. *Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings* 1: 102–108. <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-klassifikatsiya-prestupleniy-poryadok-postroeniya-opredelenie-ponyatiya-prestupleniya-ego/viewer>. (In Russian)

Klevnov, Vladimir A., Alexander V. Maksimov. 2017. “The question of classification and terminology of expert errors”. *Russian Journal of Forensic Medicine* 3 (2): 8–11. <http://dx.doi.org/10.19048/2411-8729-2017-3-2-8-11>. (In Russian)

Lazareva, Valentina A. 2007. *Problems of evidence in modern criminal proceedings in Russia*: textbook. Samara: Samarskii universitet: 303 p. <http://repo.ssau.ru/bitstream/Uchebnye-izdaniya/Problemy-dokazyvaniya-v-sovremennom-ugolovnom-processe-Rossii-ucheb-posobie-Tekst-elektronnyi-90369/1/Лазарева%20В.А.%20Проблемы%20доказывания%202007.pdf?ysclid=lt5qd3y0fb937606513>. (In Russian)

Plavinskaya, Anastasia V. 2020. *Theory and practice of investigating crimes committed by medical workers in the course of their professional activities*: master’s thesis. Tomsk: 101 p. <https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2020/07/Плавинская-Анастасия-Владиславовна.pdf?ysclid=lt5qgo0zjg780550239>. (In Russian).

Stepanov, Vladimir V. 2002. “The subject of proof as an element of the investigation methodology”. In: *Current problems of criminology at the present stage*: materials of the all-Russian research and practical conference. Krasnodar. <https://studfile.net/preview/5909852/page:17>. (In Russian).

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LEGAL (CIVIL) SCIENCES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

Дата поступления: 14.01.2023
рецензирования: 17.02.2023
принятия: 25.05.2023

Андрей В. Юдин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация;
Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва, Российская Федерация;
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Поворот исполнения судебного постановления, отмененного по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, в гражданском процессе

Аннотация: Федеральным законом от 24.06.2023 № 279-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» был восполнен имеющийся в процессуальном законе пробел относительно поворота исполнения судебного акта при отмене его в порядке пересмотра дела по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. До принятия данного закона единственное правило, связанное с ограничением поворота исполнения при пересмотре дела по новым обстоятельствам, касалось отмены в связи с изменением судебной практики. В статье доказывается, что регулирование института поворота исполнения при отмене судебного акта по вновь открывшимся или новым обстоятельствам не всегда должно регулироваться по модели поворота исполнения при отмене судебных актов в инстанционном порядке. Период удержания должником денежной суммы или имущества, подлежащих возвращению в порядке поворота исполнения при пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, может оказаться значительно дольше, чем при инстанционном обжаловании. Также не всегда оправданным является автоматическое переложение категорий дел, по которым не допускается поворот исполнения, с таких стадий пересмотра судебных актов, как апелляционная, кассационная, надзорная, на стадию пересмотра судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Сообщение истцом ложных сведений и представление подложных документов, безотносительно со связью этих форм поведения с содержанием отмененного решения, позволяет суду санкционировать поворот исполнения в качестве абстрактной санкции за проявленную процессуальную недобросовестность, что не вполне правильно. В этом отношении поворот исполнения при инстанционной отмене судебных актов урегулирован более последовательно: он допускается, только если решение было основано на ложных сведениях или подложных документах. Воля законодателя при моделировании поворота исполнения в связи с изменением судебной практики вряд ли была направлена на более широкое допущение поворота исполнения, при котором любой факт недобросовестности или нарушения закона позволил бы осуществить поворот исполнения, тогда как в рассматриваемых случаях требуется установление факта именно лжи или факта представления подложных документов. Момент осуществления поворота исполнения определен новым законом как вступление в законную силу нового решения по существу спора. В статье доказывается отсутствие оснований удержания должником денежных средств, полученных им по отмененному судебному акту, в ситуации, когда основание для передачи (перечисления) денежных средств исчезает. Такая возможность удержания должником денежных средств или имущества до принятия нового судебного постановления, санкционированная законом, может означать неосновательное обогащение на стороне должника. Сложно отрицать и законный интерес кредитора, состоящий в скорейшем возврате вещи, не дожидаясь принятия нового судебного постановления по делу. С данным вопросом связан и вопрос о санкциях за несвоевременный возврат денежных средств в порядке поворота исполнения. Следует установить, что начисление процентов по статье 395 ГК РФ должно производиться именно с момента вступления в законную силу постановления об отмене судебного акта, послужившего основанием

для уплаты денежных сумм или передачи имущества. Риск случайной гибели вещи возлагается на лицо, которому она передана в порядке исполнения судебного акта, с момента отмены постановления, послужившего основанием для ее передачи.

Ключевые слова: поворот исполнения; вновь открывшиеся обстоятельства; новые обстоятельства; отмена судебного постановления; возврат полученного по отмененному судебному акту; проценты за пользование чужими денежными средствами.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения НИР по теме: «Совершенствование судебной защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации и ее гармонизация с аналогичными системами стран-участниц ЕАЭС» 3-ГЗ-2023.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Юдин, Андрей В. 2023. “Поворот исполнения судебного постановления, отмененного по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, в гражданском процессе”. *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 18 (1): 37–44. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-1-37-44>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Андрей В. Юдин, 2023

Андрей В. Юдин, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 117279, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а; профессор кафедры арбитражного процесса, Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Чернышевского Н.Г., 104, стр. 1.

e-mail: yudin77@ssau.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.01.2023
Revised: 17.02.2023
Accepted: 25.05.2023

Andrei V. Yudin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation;
Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation;
Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Reversal of the execution of a court order canceled due to newly discovered or new circumstances in civil proceedings

Abstract: Federal Law No. 279-FZ as of 24.06.2023 “On Amendments Being Made to the Code of Civil Procedure of the Russian Federation” filled the gap existing in the procedural law regarding the reversal of the execution of a judicial act when it was canceled in the order of reconsideration of the case due to newly discovered or new circumstances. Prior to the adoption of this law, the only rule related to the restriction of the turn of execution when reviewing a case under new circumstances concerned cancellation due to such a circumstance as a change in judicial practice. The article argues that the regulation of the institution of the reversal of execution when a judicial act is canceled due to newly discovered or new circumstances should not always be regulated according to the model of the reversal of execution when judicial acts are canceled in an instance. The period of retention by the debtor of a sum of money or property to be returned in the order of reversal of execution during revision due to newly discovered or new circumstances may be significantly longer than in the case of an instance appeal. Also, it is not always justified to automatically shift the categories of cases for which the turn of execution is not allowed from such stages of judicial acts review as appeal, cassation, supervisory to the stage of judicial decisions review due to newly discovered or new circumstances. The plaintiff’s reporting of false information and the submission of forged documents, regardless of the connection of these forms of behavior with the content of the canceled decision, allows the court to authorize the turn of execution as an abstract sanction for procedural dishonesty, which is not quite correct. In this regard, the turn of execution in the case of the instance cancellation of judicial acts is regulated more consistently: it is allowed only if the decision was based on false information or forged documents. The

will of the legislator in modeling the turn of execution in connection with the change in judicial practice was hardly aimed at a broader assumption of the turn of execution, in which any fact of bad faith or violation of the law would allow the turn of execution, whereas in the cases under consideration it is necessary to establish the fact of lies or the fact of submission of forged documents. The moment of implementation of the turn of execution is defined by the new law as the entry into force of a new decision on the merits of the dispute. The article proves the absence of grounds for the debtor to withhold funds received by him under a cancelled judicial act in a situation where the basis for the transfer (transfer) of funds disappears. Such a possibility of the debtor withholding money or property before the adoption of a new court order, authorized by law, may mean unjustified enrichment on the debtor's side. It is difficult to deny the legitimate interest of the creditor, which consists in the speedy return of the thing, without waiting for the adoption of a new court ruling on the case. Related to this issue is the issue of sanctions for late refund of funds in the order of reversal of execution. It should be established that the accrual of interest under Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation should be made precisely from the moment the decree on the cancellation of the judicial act that served as the basis for the payment of sums of money or the transfer of property enters into force. The risk of accidental loss of a thing is assigned to the person to whom it was transferred in the order of execution of a judicial act, from the moment of cancellation of the decision that served as the basis for its transfer.

Key words: turn of execution; newly discovered circumstances; new circumstances; cancellation of a court order; refund of the amount received under the canceled judicial act; interest for the use of other people's money.

Acknowledgements. The article was prepared as part of the research work on the topic: "Improving the judicial protection of intellectual rights in the Russian Federation and its harmonization with similar systems of the EAEU member countries" 3-GZ-2023.

Conflict of interest: the author declared that there is no conflict of interest.

Citation. Yudin, Andrei V. 2023. "Reversal of the execution of a court order canceled due to newly discovered or new circumstances in civil proceedings". *Juridical Analytical Journal* 18 (1): 37–44. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-1-37-44>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© *Andrei V. Yudin, 2023*

Andrei V. Yudin, Doctor of Laws, head of the Department of Civil Procedural and Business Law, Faculty of Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation; professor of the Department of Civil and Arbitration Process, Russian State Academy of Intellectual Property, 55a, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117279, Russian Federation; professor of the Department of Arbitration Process, Saratov State Law Academy, bldg. 1, 104, Chernyshevskogo N.G. Street, Saratov, 410056, Russian Federation.

e-mail: yudin77@ssau.ru

Введение

Федеральным законом от 24.06.2023 № 279-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ»¹ (далее также – Закон № 279) был восполнен существовавший в законе пробел относительно поворота исполнения судебного акта, отмененного по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Как известно, возможность поворота исполнения отмененного судебного постановления до указанного момента существовала только применительно к производству в судах апелляционной, кассационной, надзорной инстанции (статья 445 ГПК РФ), а по отношению к пересмотру по новым обстоятельствам имелось только единственное правило, направленное на ограничение поворота исполнения применительно к одному из новых обстоятельств, свя-

занных с изменением судебной практики (часть 4 статьи 397 ГПК РФ), которое отчасти вошло в диссонанс с правилами, предложенными Законом № 279. В арбитражном процессе правило о повороте исполнения было сформулировано «обезличено», что позволяло применять его и по отношению к производству по пересмотру судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам (статьи 325–326 АПК РФ). В литературе уже давно было обращено внимание на необходимость урегулирования поворота исполнения судебных актов по отношению к рассматриваемой стадии гражданского процесса (Алиев 2004, 29–35; Цыбулевская, Громов 2000, 34–35; Валеев 2009, 280–281).

Ход исследования

1. Момент для разрешения вопроса о повороте исполнения определен Законом № 279

¹ 2023. *Российская газета* 26.06: 7.

как момент принятия нового судебного постановления, которым окончательно разрешается спор, либо прекращается производство по делу, либо заявление оставляется без рассмотрения (часть 1 статьи 445.1 ГПК РФ). Аналогичным образом предлагается определять момент для разрешения вопроса о повороте исполнения и по отношению к производству в судах апелляционной, кассационной, надзорной инстанции – требуется не просто отмена судебного акта, а принятие нового окончательного решения (статья 443 ГПК РФ).

В отличие от производства в судах проверочных инстанций, для пересмотра дела по вновь открывшимся и новым обстоятельствам промежуток между отменой судебного акта и окончательным разрешением дела по существу может быть еще более затянут. В силу части 2 статьи 397 ГПК РФ определение суда первой инстанции, которым заявление о пересмотре дела в указанной форме было удовлетворено либо в его удовлетворении было отказано, может быть последовательно обжаловано в судах вышестоящих инстанций (пункт 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений»² – далее Постановление № 31). Возможная отмена определения об удовлетворении заявления о пересмотре судебного акта повлечет отмену нового судебного акта, вынесенного в результате повторного рассмотрения дела по существу (абзац 2 пункта 15 Постановления № 31), что с большей долей вероятности заставит суд дожидаться результатов обжалования вышеуказанного определения. Для случаев инстанционной отмены судебных актов и направления дела на новое рассмотрение возможности по обжалованию постановления об отмене и направлении дела на новое рассмотрение более ограничены, чем возможности обжалования определения об удовлетворении заявления о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Это делает процедуру повторного рассмотрения дела более стабильной и сокращает время для осуществления поворота исполнения судебного акта.

Кроме того, инстанционная система пересмотра подчинена жестким срокам обжалования судебных актов и срокам рассмотрения

таких жалоб, притом что начало течения срока обжалования связывается с вполне определенным фактом – изготовлением в полной форме решения суда первой инстанции, оглашением апелляционного, кассационного определения в гражданском процессе³, изготовлением в полной форме апелляционного постановления в арбитражном процессе⁴. Для пересмотра дела по вновь открывшимся или новым обстоятельствам момент обращения, определяемый предусмотренным законом юридическим фактом, может хронологически отстоять от решения на неопределенно-длительное время, то есть период удержания должником суммы или имущества, подлежащих возвращению в порядке поворота исполнения, может оказаться значительно дольше, чем при инстанционном обжаловании.

2. Перечень дел, по которым не допускается поворот исполнения при отмене судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, идентичен аналогичному перечню, установленному для случаев отмены судебных актов в апелляционном или кассационном порядке (абзац 2 части 3 статьи 445 ГПК РФ). Это решения судов «по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, о взыскании вознаграждения за использование прав на произведения науки, литературы и искусства, исполнения, открытия, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, о взыскании алиментов, о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья либо смертью кормильца».

Возникает вопрос о допустимости автоматического переложения категорий дел, по которым не допускается поворот исполнения, с таких стадий пересмотра судебных актов, как апелляционная, кассационная, надзорная, на стадию пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Полагаем, что подобного рода перенос не может и не должен иметь автоматического характера.

³ См., например: пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции». 2021. *Российская газета* 02.07.144.

⁴ См., например: абзац 1 пункта 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции». 2020. *Бюллетень Верховного Суда РФ* 9.

² 2013. *Бюллетень Верховного Суда РФ* 2.

Установление перечня дел с ограничением поворота исполнения применительно к производству в проверочных инстанциях объясняется желанием законодателя не допустить нарушения прав истцов по социально значимым категориям дел, когда при отсутствии фактов их явной недобросовестности последовала бы отмена решения, вызванная причинами, за которые подобные истцы, как правило, не несут ответственности, в частности усмотрением судов различных инстанций в оценке доказательств и в установлении обстоятельств дела, толкованием нормы права, процессуальными нарушениями и т. д. Когда истцы «невиновны» или частично «виновны» в таком исходе дела, неверно было бы возлагать на них обязанность по возврату полученных сумм, делая их в определенном смысле «заложником» инстанционных юридических противоречий.

Неблагоприятные последствия, состоящие в невозможности возвращения взысканного (уплаченного добровольно), в таких случаях возлагаются на ответчика (должника), как правило, сильную в правоотношении сторону (работодателя, заказчика по договору), проигравшую дело в суде первой инстанции, возможно, вследствие упущений в своей правовой, доказательственной, процессуальной позиции.

Иное дело – пересмотр по вновь открывшимся и новым обстоятельствам, отмена судебного акта при котором не связывается с переоценкой доказательств или иным толкованием закона. Обобщенно речь идет об обнаружении фактических обстоятельств, кардинально меняющих картину дела, то есть обстоятельствах, при которых, будь они известны, состоявшееся решение не было бы принято.

Подобные обстоятельства не сводятся ко лжи или подложным документам, исходящим от истца, хотя такой вариант и не исключается. Спектр возможных вновь открывшихся и новых обстоятельств, вызывающих необходимость пересмотра дела, гораздо шире. Так, например, осуждение свидетеля за заведомо ложные показания, данные им в пользу истца (пункт 2 части 3 статьи 392 ГПК РФ), даже по социально значимому делу, входящему в «перечень», притом что сам истец не допускал представления подложных документов и сообщения ложных сведений, должно ли препятствовать возврату полученного по отмененному впоследствии решению? Полагаем, что нет.

Для дифференциации случаев, по которым допускается и по которым не допускается поворот исполнения по делам из приведенного

перечня, необходимо сопроводить его оговоркой, *как правило*, не допускается поворот исполнения, однако суд с учетом конкретных обстоятельств дела может разрешить поворот исполнения. Это позволит суду при разрешении конкретных казусов понять, посягает ли каким-то образом вскрывшееся обстоятельство на имеющуюся у истца льготу в виде ограничения поворота исполнения.

3. Также интересно отметить предложенное Законом № 279 различие с имеющимися основаниями для осуществления поворота исполнения даже для тех случаев, когда он по общему правилу не допускается.

Согласно действующей редакции ГПК РФ, для стадий апелляционной и кассационной проверки «поворот исполнения решения допускается, если отмененное решение суда было основано на сообщенных истцом ложных сведениях или представленных им подложных документах» (абзац 2 части 3 статьи 445 ГПК РФ). Согласно предлагаемой редакции статьи 445.1 ГПК РФ, введенной Законом № 279, «... поворот исполнения судебного постановления не допускается при отсутствии установленных фактов сообщения истцом ложных сведений или представления им подложных документов».

В первом случае допустимость поворота основана на дозволении («допускается»); во втором случае – на отрицании («не допускается»). Однако более существенной является разница в описании последствий ненадлежащего процессуального поведения истца: в первом случае решение суда должно быть основано на сообщенных истцом ложных сведениях и представленных им подложных документах, тогда как во втором случае достаточно одного лишь факта сообщения истцом ложных сведений и представления им подложных документов.

Допущение поворота исполнения в первом случае представляется закономерным, поскольку истец добился решения, которым в его пользу были присуждены денежные средства или имущество и которые он не хочет возвращать, обманным путем, что не только разрушает само решение, но и делает порочным основание для удержания таких сумм. Во втором случае сообщение истцом ложных сведений и представление подложных документов, безотносительно со связью этих форм поведения с содержанием отмененного решения, позволяют суду санкционировать поворот исполнения в качестве абстрактной санкции за проявленную процессуальную недобросовестность. Иными словами,

достаточно самого факта сообщения ложных сведений и/или представления подложных документов, чтобы поворот исполнения стал возможен. Даже их отклонение судом и неучет в решении не изменят ситуации. Полагаем более правильным указать на то, что основанием для осуществления поворота исполнения отмененного по вновь открывшимся и новым обстоятельствам решения должен выступить не сам по себе факт сообщения ложных сведений и представления подложных документов, а ложные сведения и подложные документы, положенные судом в основу решения.

4. Наряду с отдельными вновь открывшимися и новыми обстоятельствами, которые высвечивают неосновательность прямого переложения дел с ограничением поворота исполнения из числа установленных для проверочных инстанций в пересмотр по вновь открывшимся и новым обстоятельствам, имеются и другие обстоятельства – они свидетельствуют о несправедливости в обязанности истца вернуть все полученное по отмененному решению. Это касается главным образом пересмотра судебных актов в связи с правовыми позициями Верховного Суда РФ или Конституционного Суда РФ.

Законодатель в части 4 статьи 397 ГПК РФ специально предусмотрел, что при отмене судебного акта по основаниям, связанным с определением либо изменением в постановлении Пленума Верховного Суда РФ или постановлении Президиума Верховного Суда РФ практики применения правовой нормы (пункт 5 части 4 статьи 392 ГПК РФ), «новым судебным постановлением, принятым в результате повторного рассмотрения дела, при отсутствии установленных фактов незаконного или недобросовестного поведения самого заинтересованного лица не допускается обратное взыскание с граждан денежных средств или иного имущества, полученных ими на основании пересмотренного судебного постановления».

Этот специальный случай ограничения поворота исполнения судебного акта при отмене постановления по новым обстоятельствам должен быть связан с общей предлагаемой Законом № 279 нормой статьи 445.1 ГПК РФ. Ограничение поворота исполнения не распространяется на *установленные факты незаконного или недобросовестного поведения* самого заинтересованного лица при пересмотре судебного акта по мотивам изменения судебной практики, тогда как общее основание, исключающее поворот исполнения, это *установленные факты сообщения истцом ложных сведений или пред-*

ставления им подложных документов. При внешней смысловой схожести данных оснований речь может идти о различных правовых ситуациях. Незаконное и недобросовестное поведение – более широкое явление, чем сообщение ложных сведений и представление подложных документов. Всякое сообщение ложных сведений и представление подложных документов – это поведение и незаконное и недобросовестное, но последнее не исчерпывается двумя указанными формами.

Означает ли все сказанное, что воля законодателя при моделировании поворота исполнения в связи с изменением судебной практики была направлена на более широкое его допущение, при котором любой факт недобросовестности или нарушения закона позволил бы осуществить поворот исполнения, тогда как в прочих случаях поворот исполнения требовал бы установления факта лжи или факта представления подложных документов? «Прочие случаи» при этом относятся не только к повороту исполнения при пересмотре дела по вновь открывшимся и новым обстоятельствам, но и к апелляции, кассации, надзору, производству. Полагаем, что разумные основания для подобной дифференциации отсутствовали, поэтому следовало бы унифицировать основания для разрешения поворота исполнения по выделенным законом категориям дел путем принятия за основу одного из имеющихся в настоящее время вариантов. По нашему мнению, указание на незаконное и недобросовестное поведение как обстоятельство, допускающее поворот исполнения по делам, для которых при прочих равных условиях установлен иммунитет от такого поворота, было бы более точным решением.

5. Один из принципиальных вопросов при регулировании поворота исполнения – это вопрос о *моменте, когда у лица возникает обязанность по возвращению денежной суммы или имущества, полученного им по впоследствии отмененному судебному акту*. Такой момент определен как принятие нового судебного постановления, которым дело разрешено по существу. Аналогичным образом момент возврата определялся и ранее в доктринальных исследованиях, посвященных стадии пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам (Морозова 1959, 73–74).

Возникает вопрос об основаниях удержания должником денежных средств, полученных им по отмененному судебному акту, поскольку основание для передачи (перечисления) денеж-

ных средств отпало. Не означает ли возможность удержания должником денежных средств или имущества до принятия нового судебного постановления санкционированное законом неосновательное обогащение на стороне должника, ведь безотносительно к содержанию нового судебного постановления, в период после отмены судебного акта и до принятия нового судебного акта, нахождение имущества у должника лишается всякого основания?

Описанное положение можно отчасти объяснить тем, что результат повторного рассмотрения дела после отмены постановления по вновь открывшимся и новым обстоятельствам окажется аналогичным первому результату, тогда потребуется производить вторичный и уже обратный поворот исполнения, что кажется нерациональным. То есть дело еще не разрешено окончательно. Оставление имущества за должником позволит сохранить существующее состояние отношений (*status quo*) между сторонами. Неоднократная передача имущества между сторонами сообразно динамике оставляемых в силе или отменяемых судебных актов действительно способна породить сложности, тем более что в один из моментов сторона может отказаться от передачи имущества, мотивировав это самыми разными причинами, например изъятием вещи третьими лицами или обращением взыскания на нее кредиторами по каким-либо самостоятельным основаниям, не связанным со спором сторон; имущество, подлежащее возврату в порядке поворота исполнения, может подвергаться риску случайной гибели.

Однако сложно отрицать и законный интерес кредитора, состоящий в скорейшем возврате вещи, не дожидаясь принятия нового судебного постановления по делу, тем более что повторное новое рассмотрение дела не гарантирует оперативного рассмотрения. Производство по делу может быть также приостановлено, неоднократно отложено и т. д.

Кроме того, ответчик может исполнить судебный акт в добровольном порядке и при отмене такого акта имеет основания рассчитывать на аналогичное добровольное исполнение истца, оказывающегося в положении должника при повороте исполнения. Однако выясняется, что отмены судебного акта оказывается недостаточно, поэтому кредитору приходится дожидаться нового рассмотрения и разрешения дела.

Таким образом, в основе удержания должником переданных ему денежных средств или имущества по отмененному впоследствии постановлению отсутствует какое-либо логиче-

ское основание, за исключением стремления избавиться от неудобств, связанных с неоднократной передачей имущества. За должником следует признать право на возврат денежных средств или имущества в добровольном и досрочном порядке, не дожидаясь вынесения итогового судебного постановления. Стимул для исполнения такой обязанности предлагается в следующем пункте исследования.

6. Взаимосвязанный с предыдущим – это вопрос о санкциях за несвоевременный возврат денежных средств в порядке поворота исполнения. В пункте 59 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»⁵ (далее – Постановление № 7) разъяснено следующее: «если во исполнение судебного акта ответчиком перечислены денежные средства кредитору, а впоследствии данный судебный акт отменен или изменен в части взыскания указанных денежных средств, и полученные взыскателем денежные средства должнику не возвращены, то, по общему правилу, на названную денежную сумму подлежат начислению проценты, установленные статьей 395 ГК РФ, с момента вступления в силу итогового судебного акта (пункт 2 статьи 1107 ГК РФ)».

Получается, что кроме сомнительности самого права на удержание имущества по отмененному судебному акту удерживающее его лицо подвергается имущественной ответственности только с момента принятия нового судебного постановления и вступления его в законную силу. Наряду с предложением о закреплении за должником права на добровольный возврат имущества в порядке поворота исполнения следует установить, что начисление процентов по статье 395 ГК РФ должно производиться именно с момента вступления в законную силу постановления об отмене судебного акта, послужившего основанием для уплаты денежных сумм или передачи имущества. Риск случайной гибели вещи возлагается на лицо, которому она передана в порядке исполнения судебного акта, с момента отмены постановления, послужившего основанием для ее передачи.

7. Пунктом 59 Постановления № 7 предлагается исключение из приведенного ранее правила: «вместе с тем с учетом обстоятельств конкретного дела, например, если имела место фальсификация доказательств и это привело

⁵ 2016. *Бюллетень Верховного Суда РФ* 5.

к принятию решения, послужившего основанием для перечисления ему денежных средств, предусмотренные статьей 395 ГК РФ проценты подлежат начислению с более раннего момента, например, с момента зачисления денежных средств на расчетный счет недобросовестного взыскателя (пункты 3, 4 статьи 1, пункт 2 статьи 1107 ГК РФ)». Это тем более важно с учетом многообразия оснований пересмотра дела по вновь открывшимся и новым обстоятельствам, когда с «невиновными» основаниями для отмены вполне могут соседствовать основания, свидетельствующие о проявленной лицами недобросовестности.

Подобное предоставленное суду право может быть распространено и на определение момента возврата полученного должником имущества и денежных средств в том отношении, что суд мог бы санкционировать их возвращение с момента непосредственной отмены постановления, а не с момента принятия нового постановления, как определено сейчас законом.

Заключение

Предпринятый анализ показал, что общность институтов поворота исполнения судебных актов в связи с отменой их в порядке пересмотра дела по вновь открывшимся или новым обстоятельствам и в связи с их инстанционной отменой в апелляционном, кассационном, надзорном порядке не позволяет автоматически распространять сложившиеся подходы к пересмотру судебных актов с одной стадии процесса на другую. Безусловному учету здесь подлежат особенности такой стадии процесса, как пересмотр дела по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Неоправданным также должно быть признано расхождение в регулировании поворота исполнения судебных актов между уже имеющимся порядком, установленным для пересмотра в связи с изменением судебной практики, и общим порядком, введенным новым законом.

В статье на этот счет предложены необходимые механизмы унификации и дифференциации.

Библиография

Алиев, Тигран Т. 2004. “Определение суда по результатам пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам судебных актов”. *Арбитражный и гражданский процесс* 12: 29–35. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18971431>, <https://www.elibrary.ru/pzdymf>.

Валеев, Дамир Х. 2009. *Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве*. Москва: Статут: 351 с.

Громов, Николай А., Ольга И. Цыбулевская. 2000. “Поворот исполнения решения ввиду открытия новых обстоятельств”. *Законность* 4: 34–35. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29112124>, <https://www.elibrary.ru/ynbost>.

Морозова, Лидия С. 1959. *Пересмотр судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам*. Москва: Госюриздат.

References

Aliyev, Tigran T. 2004. “The court’s ruling on the results of the review of newly discovered circumstances of judicial acts”. *Arbitrazh and Civil Procedure* 12: 29–35. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18971431>, <https://www.elibrary.ru/pzdymf>. (In Russian)

Gromov, Nikolay A., Olga I. Tsybulevskaya. 2000. “The reversal of the execution of the decision due to the discovery of new circumstances”. *Zakonnost Journal* 4: 34–35. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29112124>, <https://www.elibrary.ru/ynbost>. (In Russian)

Morozova, Lidiya S. 1959. *Revision of judicial decisions on newly discovered circumstances*. Moscow: Gosiurizdat. (In Russian)

Valeev, Damir Kh. 2009. *The system of procedural guarantees of the rights of citizens and organizations in enforcement proceedings*. Moscow: Statut: 351 p. (In Russian)

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ **THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES**

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342

Дата поступления: 17.01.2023
рецензирования: 19.02.2023
принятия: 25.05.2023

Татьяна Ф. Юдина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Особенности становления профессионального юридического образования в Советском государстве в довоенный период

Аннотация: в статье рассматривается процесс формирования профессиональных юридических кадров в СССР в довоенный период. Почти одновременно с установлением нового политического строя в ноябре 1917 года в России упраздняется дореволюционная система судейских и прокурорских органов и учреждается система советских судов, первоначально даже не имеющая единого названия, с неопределенной подсудностью и действующая на основе революционной совести. В условиях дефицита юридических кадров основными критериями при формировании судейского и прокурорского корпуса являлись социальное происхождение и партийность. Отсутствие у большинства работников юридического образования обусловило низкий уровень их деятельности, приводило к текучести кадров, падению престижа профессии. Первые шаги – открытие трехмесячных курсов по повышению профессиональных юридических знаний – предпринимаются в 20-е гг., которые не изменили ситуацию коренным образом. И только в период подготовки Конституции 1936 г. и закреплении в ней важнейшего права – права трудящихся на всеобщее бесплатное образование всех уровней – происходит коренной перелом в подготовке профессиональных юридических кадров и с середины 30-х гг. наличие юридического образования становится обязательным условием для замещения должности судьи и прокурора. В это же время создается система юридических образовательных учреждений различного уровня, что явилось основой для создания профессиональной советской юстиции в довоенные годы.

Ключевые слова: профессиональное юридическое образование; судья; прокурор; Декрет о суде №1; Наркомат юстиции; юридические кадры.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Юдина, Татьяна В. 2023. “Особенности становления профессионального юридического образования в Советском государстве в довоенный период”. *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 18 (1): 45–50. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-1-45-50>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Татьяна Ф. Юдина, 2023

Татьяна Ф. Юдина, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: yudina.tatjana2010@yandex.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.01.2023
Revised: 19.02.2023
Accepted: 25.05.2023

Tatyana F. Yudina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Features of the formation of professional legal education in the Soviet State in the pre-war period

Abstract: the article examines the process of formation of professional legal personnel in the USSR in the pre-war period. Almost simultaneously with the establishment of a new political system in November 1917, the pre-revolutionary system of judicial and prosecutorial bodies was abolished in Russia and a system of Soviet courts was established, initially not even having a single name, with uncertain jurisdiction and acting on the basis of a revolutionary conscience. In conditions of a shortage of legal personnel, the main criteria for the formation of the judicial and prosecutorial corps were social origin and partisanship. The lack of legal education among the majority of employees caused a low level of their activities, led to staff turnover, and a decline in the prestige of the profession. The first steps – the opening of three-month courses – to improve professional legal knowledge were taken in the 20-ies, which did not radically change the situation. And only during the preparation of the Constitution of 1936 and the consolidation of the most important right in it – the right of workers to universal free education at all levels – is a radical change in the training of professional legal personnel, and since the mid-30s, the availability of legal education has become a prerequisite for filling the posts of judges and prosecutors. At the same time, a system of legal educational institutions of various levels was being created, which was the basis for the creation of professional Soviet justice in the pre-war years.

Key words: professional legal education; judge; prosecutor; Decree on Court No. 1; People's Commissariat of Justice; legal personnel.

Conflict of interest: the author declared that there is no conflict of interest.

Citation: Yudina, Tatyana F. 2023. "Features of the formation of professional legal education in the Soviet State in the pre-war period". *Juridical Analytical Journal* 18 (1): 45–50. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-1-45-50>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Tatyana F. Yudina, 2023

Tatyana F. Yudina, Candidate of Legal Sciences, associate professor, Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: yudina.tatjana2010@yandex.ru

Введение

Профессиональное юридическое образование в предвоенные годы развивалось недостаточно эффективно, несмотря на острую нехватку кадров с юридическим образованием в системе советских судов и прокуратуры. В 1923 году только 26,7 % работников губернских прокуратур имели высшее юридическое образование, в губернских судах высшее образование было только у 18,5 % (Панкратов 1972, 135). Такая ситуация возникла в связи с установкой Советского государства на формирование права, основанного на «интуиции народа», и потребовала появления нового типа судей – «юриста-коммуниста». Еще в 1917 году глава Совнаркома В.И. Ленин писал, что «революционные массы... начали устраивать свои рабочие и крестьянские суды до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата» (Ленин 1974, 197).

Ход исследования

Революционные суды, создававшиеся Советами, носили разные названия: революционный народный суд, суд общественной совести, крестьянский суд и т. д. Структура и численный состав судов, подсудность, виды и пределы наказаний, порядок рассмотрения дел определялись самими народными массами. При разборе дела в Выборгском районе Петрограда, например, могли принимать участие все присутствовавшие в зале судебного заседания. Решение принималось с учетом мнения выступавших. Иногда уголовные и гражданские дела рассматривались и разрешались непосредственно на крестьянских сходах или собраниях волостных Советов. Декрет о суде № 1, принятый в ноябре 1917 года СНК, предусматривал ликвидацию всех судебных органов дореволюционной России и предписывал при рассмотрении дел руководствоваться не законами свергнутых пра-

вительств, а декретами СНК, революционной совестью и революционным правосознанием. В день опубликования Декрета о суде № 1 в Петрограде было назначено экстренное собрание представителей районных Советов для обсуждения вопроса об организации революционных судов. Вскоре последовало обращение ко всем фабрично-заводским рабочим с просьбой немедленно выделить «хорошо грамотных товарищей независимо от политических взглядов, но стоящих на платформе советской власти, способных разобраться в судебном производстве», «в настоящее время не следует останавливаться на юристах, ибо настоящие суды судят не по законам, ранее изданным, а по совести; и судья может быть рабочий, лишь бы мог вести заседания и был грамотен. Выясняется, что юридических сил нет, а потому остается один выход – избрать председателем суда из рабочих» (Городецкий 1987, 203). Таким образом, созданная советская судебная система должна была осуществлять свои непосредственные функции в условиях отказа от дореволюционного законодательства и еще не созданного нового советского. Очевидно, что на этом этапе создания новой системы правоохранительных учреждений первоочередное внимание уделялось социальному происхождению работника и его партийной принадлежности, а не профессиональной подготовке. Важно было осуществить подбор таких судей, жизненный и трудовой опыт которых свидетельствовал бы о наличии у них революционного правосознания. Такая ситуация усугублялась и саботажем чиновников судебного ведомства, который еще более усилился после выхода Декрета о суде № 1. Правительствующий сенат вынес даже решение о непризнании декрета и о продолжении своей деятельности впредь до созыва Учредительного собрания. К их действиям присоединились и сотрудники Министерства юстиции. Из состава канцелярии министерства, по словам П.И. Стучки, только трое согласились продолжить работу. Причем один из них был большевиком (Стучка 1931, 35). Поэтому при формировании института судей предпочтение отдавалось рабочим и крестьянам – членам партии. Статистика прежде всего отражала рост членов партии в составе судей – с 63 % в 1923 году до 85,6 % в 1928 году, но отнюдь не их образовательный уровень. Даже члены Верховного Суда СССР далеко не все имели профессиональное юридическое образование. Так, высшее образование имели 11 человек (34,4 %), с начальным и домашним образованием – 21 человек (65,6 %),

но все 32 человека – члены ВКП(б), причем 22 человека – с партийным дореволюционным стажем (Смыкалин 2002). Социальное происхождение, партийная принадлежность, наличие революционного правосознания – основные критерии формирования судейского корпуса в первые революционные годы. Кандидат на пост судьи должен был быть гражданином РСФСР, обладать активным и пассивным избирательным правом, иметь стаж практической работы. Образовательный ценз в качестве обязательного требования не упоминается. Таким образом, в первые послереволюционные годы при формировании новых советских судов отсутствие юридических знаний у работников судов с точки зрения государства не являлось серьезным препятствием для занятия должности судьи. Декретом о суде № 1 была упразднена так же царская прокуратура, которая, по выражению Н.В. Крыленко, была самым реакционным органом, отделенным от народа: «недобрая память, которую оставила по себе в среде трудящихся старая царская прокуратура, была первое время настолько жива, что в первые годы революции сама мысль о восстановлении прокуратуры казалась реакционным поползновением возвратиться к старому порядку» (Крыленко 1927, 91). В начале 1918 года была сделана попытка учредить Комиссариат публичного обвинения, но Наркомюст ограничился созданием при революционных трибуналах камер обвинения. Прокуратура была учреждена только 28 мая 1922 года. У многих работников судов и прокуратуры в эти годы не было даже образования на уровне средней школы.

Нехватка юристов – членов партии заставила большевиков заполнять суды и прокуратуру людьми, не имеющими специального образования, и это не вызывало особого беспокойства: «с самого начала партия с подозрением относилась к юристам и с большой готовностью давала шанс поуправлять юстицией политически проверенным новичкам-любителям» (Соломон 2008, 31).

К середине 20-х годов многие работники прошли трехмесячные юридические курсы, а с 1926 года Наркоматом юстиции были образованы высшие юридические курсы продолжительностью один год. В 1928 году из 315 выпускников Московского университета в суды и прокуратуру пришли работать только 52 человека. Низкий профессиональный уровень юридических кадров заставил партийно-государственное руководство страны «восстановить юридические факультеты, создать литературу и

ответственных работников для прокуратуры и судов», так как «трудно отличить прокурора от секретаря райкома, а различие должно быть». Однако эти меры принципиально не изменили уровень профессионального образования практических работников, и к середине 30-х гг. число прокуроров с высшим образованием упало с 29 % в 1923 году до 11–12 % в 1935 году. В 1935 году 84,6 % судей не имели даже среднего образования.

К середине 30-х гг. «кампания улучшения качества правосудия должна была неминуемо столкнуться с проблемой кадров, которая оставалась такой же острой, как и в 20-е годы». В это время в стране шла работа над новой советской Конституцией и готовилась реорганизация судебно-прокурорских ведомств, поэтому нужны были компетентные и профессионально подготовленные кадры. К середине 1936 года были утверждены планы как расширения сети юридической подготовки судей и прокуроров, так и создания системы образования подготовки юристов. Эти изменения были связаны и с расширением подсудности судов в связи с передачей дел по политическим преступлениям из ведения упраздненного ОГПУ судам. В выступлениях руководителей партии и государства неоднократно звучала критика низкого профессионального уровня подготовки судей и прокуроров, и руководство страны начало осознавать необходимость появления более образованных работников юстиции. Так, в августе 1934 года Л.М. Каганович, обращаясь к судьям и прокурорам, говорил: «Вы должны показать, что знаете юриспруденцию. В данный момент трудно отличить прокурора от секретаря райкома, а различие должно быть. В идеале я бы считал, что в течение следующих четырех лет районные, городские прокуроры и судьи по всей стране должны получить среднее или высшее юридическое образование». С середины 1934 года ЦК ВКП(б) начал регулярно заниматься вопросами правосудия. В 1935 году по линии СНК началась проверка деятельности советских судов, которая привела к увольнению 12 % судей. Однако пришедшие им на смену работники не были достойной заменой. В органах юстиции наблюдался хронический дефицит кадров, связанный в том числе и с репрессиями работников юстиции в 1937 году, низкой заработной платой, невысоким престижем профессии. Проведенные проверки показали, что более половины судей были профессионально неподготовленными, в том числе 41 из 56 судей Верховного суда РСФСР. Высшее

образование имели 24,2 % судей областных судов и 4,3 % судей народных судов. Образовательный ценз прокуроров был лишь немного выше – у 56,3 % их них не было юридического образования. Стал очевидным тот факт, что реальное улучшение качества работы судей и прокуроров невозможно без развития юридического образования и снижения текучести кадров. Эффективное функционирование правосудия было напрямую связано с наличием профессионально образованных кадров. К 1936–1937 годам в стране началась всеобщая юридическая подготовка судебно-прокурорских работников, развитие системы высшего юридического образования. Были намечены основные перспективы развития профессионального юридического образования, а также обозначены уровни подготовки юридических кадров. Важным для дальнейшего развития юридических вузов в СССР явилось Постановление ЦИК и СНК от 5 марта 1935 года «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования». В целях улучшения подготовки кадров для суда и прокуратуры, следствия, арбитража предусматривалось реорганизовать созданные ранее институты советского права в правовые институты, установив 4-летний срок обучения. Этим же постановлением было предусмотрено образование в Москве Всесоюзной правовой академии при ЦИК СССР для руководящих работников суда, прокуратуры и арбитража. Для подготовки работников районных прокуратур и народных судов была создана 31 правовая школа с годичным сроком обучения и одновременно были созданы 6-месячные курсы для переподготовки районных работников – юристов. Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 29 марта 1937 года «О высшем заочном обучении» был организован Всесоюзный юридический заочный институт. В том же году в ВЮЗИ обучались уже около 6 тысяч студентов (Шебанов 1963, 65). В составе ВЮЗИ вскоре были образованы 15 филиалов и широкая сеть учебно-консультационных пунктов. С 1940 года все юридические институты, до того находившиеся в ведении республиканских наркоматов юстиции, были переданы в непосредственное подчинение Народного комиссариата юстиции СССР. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 года «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» в вузах страны были упорядочены правила приема в высшие учебные заведения, повышена роль профессорско-преподавательского состава, улучшена органи-

зация учебного процесса. Единственным критерием успеваемости стали результаты экзаменов по лекционным курсам и зачетов по практическим занятиям, были введены государственные экзамены. Уже упомянутое Постановление от 29 августа 1938 года запрещало сдачу экзаменов по письменным работам и вводило обязательную сдачу экзаменов и зачетов по всем дисциплинам учебного плана очно. Для успевающих студентов-заочников были введены оплачиваемые отпуска на период сдачи сессии, что способствовало росту студентов, получающих профессию юриста заочно. Такое пристальное внимание со стороны партии и государства к образовательному уровню практических работников правоохранительных органов было вызвано и принятием Конституции СССР 1936 года, где были сняты ограничения в сфере избирательного права и вводилось всеобщее избирательное право, провозглашались и гарантировались право на труд и право на всеобщее бесплатное образование. Эти конституционные права в случае их нарушения требовали квалифицированной защиты. Общеизвестно, что политическая реальность была иногда далека от демократического содержания Конституции 1936 года, но несомненным ее достижением является закрепление двух основных прав – права на труд и права на получение всеобщего доступного бесплатного образования, в том числе высшего профессионального. Именно Конституция 1936 года дала старт тем радикальным изменениям в сфере профессионального юридического образования и способствовала

появлению важнейших решений Советского государства. Произошли принципиальные изменения в критериях формирования прокурорских, судебных, милицейских кадров. Одним из основных требований становится наличие юридического образования, хотя и другие (партийность, социальное происхождение) сохраняли свое значение весь советский период.

Заключение

Таким образом, процесс становления профессионального юридического образования в довоенный период в Советском государстве был непосредственно связан с теми задачами, которые перед ним стояли. В первые годы своего существования в условиях отказа от правоохранительной системы царской России задачами нового государства были уничтожение эксплуататорских классов, установление нового государства диктатуры пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством, поэтому основными критериями формирования новой системы в первую очередь были лояльность к новой власти и социальное происхождение. Однако дальнейшее развитие государства было связано с задачами, от решения которых напрямую зависело существование самого Советского государства. Успехи экономического, социального, культурного, общеобразовательного развития невозможны были бы без подготовки профессионально образованных кадров судей и прокуроров. Дальнейшее решение поставленных перед государством задач сделало эту задачу очень важной и актуальной.

Библиография

Городецкий, Ефим Н. 1987. *Рождение Советского государства. 1917–1918*. Москва: Наука. [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GORODECKIY_Efim_Naumovich/Gorodeckiy_E.N._Rojdenie_Sovetskogo_gosudarstva_\(1987\).\[djv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GORODECKIY_Efim_Naumovich/Gorodeckiy_E.N._Rojdenie_Sovetskogo_gosudarstva_(1987).[djv-fax].zip).

Крыленко, Николай В. 1927–1930. *Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судостроительства, судопроизводства и материального уголовного права СССР*. Москва: Гос. изд-во. <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/54403-krylenko-n-v-sud-i-pravo-v-sssr-teoreticheskij-i-prakticheskij-kommentariy-k-osnovam-sudoustroystva-sudoproizvodstva-i-materialnogo-ugolovnogo-prava-sssr-m-l-1927-1930>.

Ленин, Владимир И. 1974. *Полное собрание сочинений*. Москва: Изд-во политической литературы.

Панкратов, Александр С. 1972. *Кадры советской прокуратуры*. Москва: Юридическая литература.

Смыкалин, Александр С. 2002. “Судебная реформа 1922 года”. *Российская юстиция* 4: 39–42. https://www.codolc.com/library/sudebnaya_advokatura/sud_reforma_1922?ysclid=lt76uh8qul750556149.

Соломон, Питер. 2008. *Советская юстиция при Сталине*. Москва: Российская политическая энциклопедия. <https://djvu.online/file/W3KSxsJsZD6b2?ysclid=lt76zhu3al210299942>.

Стучка, Петр. 1931. *13 лет борьбы за революционно – марксистскую теорию права: сборник статей. 1917–1930*. Москва: Гос. юрид. изд-во: 235 с. <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/91244-stuchka-p-i-locale-nil-13-let-borbya-revoljutsionno-marksistskuyu-teoriyu-prava-sbornik-statey-1917-1930-locale-nil-m-1931>.

Шебанов, Александр Ф. 1963. *Юридические высшие учебные заведения в СССР в 1932–1945 гг.* Москва: Высшая школа.

References

Gorodetsky, Efim N. 1987. *The birth of Soviet state. 1917–1918.* Moscow, Nauka. [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GORODECKIY_Efim_Naumovich/Gorodeckiy_E.N._Rojdenie_Sovetskogo_gosudarstva.\(1987\).\[djv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GORODECKIY_Efim_Naumovich/Gorodeckiy_E.N._Rojdenie_Sovetskogo_gosudarstva.(1987).[djv-fax].zip). (In Russian)

Krylenko, Nikolai V. 1927. *Court and law in the USSR: theoretical and practical commentary on the fundamentals of the judicial system, legal proceedings and substantive criminal law of the USSR.* Moscow, Gos. izd-vo. <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/54403-krylenko-n-v-sud-i-pravo-v-sssr-teoreticheskiy-i-prakticheskiy-kommentariy-k-osnovam-sudoustroystva-sudoproizvodstva-i-materialnogo-ugolovnogo-prava-sssr-m-l-1927-1930>. (In Russian)

Lenin, Vladimir I. 1974. *Complete works.* Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury. http://publ.lib.ru/ARCHIVES/L/LENIN_Vladimir_Il_%27ich/_Lenin_V.I._PSS5_.html. (In Russian)

Pankratov, Alexander S. 1972. *Personnel of the Soviet prosecutor's office.* Moscow: Iuridicheskaya literatura. (In Russian)

Shebanov, Alexander F. 1963. *Legal higher educational institutions in the USSR in 1932–1945.* Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)

Smykalin, Alexander S. 2002. “Judicial reform of 1922”. *Russian Justice* 4: 39–42. https://www.codolc.com/library/sudebnaya_advokatura/sud_reforma_1922?ysclid=lt76uh8qul750556149. (In Russian)

Solomon, Peter. 2008. *Soviet justice under Stalin.* Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. <https://djuvonline/file/W3KSxsJsZD6b2?ysclid=lt76zhu3al210299942>. (In Russian)

Stuchka, Peter. 1931. *13 years of struggle for the revolutionary Marxist theory of law: collection of articles. 1917–1930.* Moscow: Gos. iurid. izd-vo. <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/91244-stuchka-p-i-locale-nil-13-let-borby-zarevolyutsionno-marksistskuyu-teoriyu-prava-sbornik-statey-1917-1930-locale-nil-m-1931>. (In Russian)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

I. Общие положения

1. Журнал «Юридический аналитический журнал *Juridical Analytical Journal*» выходит 4 раза в год и принимает к публикации на русском и английском языках статьи, которые обладают актуальностью, научной новизной и содержат ранее неизвестные или неразработанные области правотворчества и правоприменения, а также отражают конструктивные предложения по совершенствованию законодательства, новые авторские концепции, направленные на развитие юридической науки.

Основной концептуальной задачей журнала является публикация статей авторов уровня кандидатов и докторов наук, а также практикующих юристов, ссылающихся в том числе на работы, опубликованные в журналах, входящих в перечень ВАК, Scopus и WoS.

Принимаются статьи по следующим специальностям: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. уголовно-правовые науки; 5.1.5. международно-правовые науки.

2. Представленная на рассмотрение статья должна иметь следующую структуру: индекс УДК, заглавие статьи, имя, отчество, фамилию автора, степень, звание, должность, кафедру (другое место работы), полное официальное название учреждения и его адрес, e-mail автора, аннотацию, ключевые слова, конфликт интересов, а также при наличии автор может указать благодарность и источник финансирования. Все указанные сведения должны быть представлены на русском и английском языках. Далее идет текст статьи и библиография.

3. Междустрочный интервал – полуторный, цвет шрифта – черный, размер шрифта – 14, размер всех полей – 2 мм. Абзацный отступ – 1,25 мм. Допустимо выделение отдельных элементов текста курсивом, полужирным курсивом, полужирным прямым.

Рекомендованный объем не менее 20–40 тыс. знаков с пробелами.

Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

4. Электронный вариант статьи может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: yuazh@ssau.ru (в данном случае все вышеперечисленные требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

Плата за публикацию статей и их рецензирование не взимается. Гонорар авторам не выплачивается.

II. Требования к оформлению статей в журнале

1. Материалы статьи должны содержать существенные, законченные и еще не опубликованные результаты научных исследований.

Текст статьи должен быть структурно разбит на разделы: введение, основное исследование, выводы, библиография.

Структура статьи на английском языке должна включать следующие элементы: Introduction, Main text, Conclusion, References.

2. Аннотация (краткое описание статьи) должна отражать основную мысль научного исследования, быть информативной, оригинальной и сжатой. Объем аннотации – 150–250 слов. Аннотация должна состоять из следующих блоков: обоснование проводимого исследования, методы, результаты, заключение (включающее подтверждение научной новизны статьи).

Приветствуется, если аннотация на английском языке будет более развернутой, чем на русском. В англоязычной аннотации желательно предусмотреть – введение и заключение (основные тезисы), раскрыть структуру статьи, цель и основные результаты исследования, а также область их применения.

3. Ключевые слова представляют собой отдельные термины (слова или их сочетания), которые являются основными для понимания содержания статьи. Объем ключевых слов – 5–10 слов или словосочетаний без учета предлогов, союзов и т. п.

4. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в сносках. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

Весь иллюстративный материал (графики, схемы, фотографии) именуется рисунками, имеет сквозную порядковую нумерацию и представляется в черно-белом варианте.

5. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

III. Оформление библиографии

1. В статье обязательным элементом является список используемых источников (библиография). Библиография представляет собой список литературы на языке оригинала.

2. Библиография и ссылки оформляются в соответствии с рекомендациями Chicago Manual of Style (см. https://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide/citation-guide-2.html).

3. Библиография на русском языке должна быть построена в алфавитном порядке (без нумерации). После в продолжении оформляется в алфавитном порядке иностранная литература. Отдельно оформляется References в

алфавитном порядке, в том случае, если источник опубликован на языке, использующем систему письменности не на основе латиницы (кириллица, иероглифы и т. д.), в описание добавляется указание языка публикации – (In Russian), (In Chinese).

4. **Список References** включает в себя все источники из библиографии.

Для транслитерации с кириллицы можно воспользоваться сайтом <https://translit.ru/lc>. Источники, в основе которых лежит латиница, приводятся в References без транслитерации, в таком же виде, как они представлены в библиографии.

5. В библиографию не включаются анонимные источники и нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.). Такие источники описываются в постраничных сносках.

Не рекомендуется использовать в библиографии труднодоступные, неопубликованные, локальные и образовательные источники: авторефераты диссертаций, газеты, неопубликованные отчеты, учебные пособия и учебники.

6. В случае необходимости (пояснений) возможно по тексту использование ссылок в сплошной нумерации.

Все цитируемые в тексте нормативные правовые акты и судебные решения оформляются в виде ссылок и отражаются с указанием содержания сайта информационно-справочной системы, например СПС «КонсультантПлюс», или официального источника опубликования с указанием даты последней редакции. Пример: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 1 сентября 2022. <http://www.consultant.ru>.

Ссылки на нормативные источники и судебные решения в библиографию не включаются.

IV. Предоставление сведений об авторе (авторах) статей

Дополнительно к сведениям об авторе (авторах) в рукописи статьи, приводимым в соответствии с перечисленными ранее требованиями, к статье в отдельном файле прилагается анкета автора. Анкета отдельно заполняется на каждого автора и содержит следующие сведения: 1) фамилию, имя, отчество (полностью); 2) ученую степень, ученое звание (полностью); 3) место работы в соответствии с официальным названием организации; 4) занимаемую должность; 5) e-mail; 6) контактный телефон.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

Дата поступления: XX.XX.2023
рецензирования: XX.XX.2023
принятия: XX.XX.2023

Иван И. Иванов Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443011, Российская Федерация, г. Самара

ПОНИМАНИЕ КАТЕГОРИЙ «ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ» И «ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ» В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы понимания категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве, так как в общей теории права и в отраслевых юридических науках встречается различные подходы трактовки данных понятий. Автор отмечает, что широкая интерпретация категорий «добросовестности» и «злоупотребления правом» размывает границы указанных понятий. Отчасти это служит отголоском дискуссии о позитивной и негативной ответственности. Методологическая основа статьи проявляется через формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический методы. Автор приходит к выводу о том, что необходимо узкое понимание соответствующих категорий.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, процессуальная добросовестность, злоупотребление процессуальными правами, процессуальные обязанности.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность (при наличии): ...

Источник финансирования (при наличии): ...

Цитирование: Иванов, Иван И. 2023. «Понимание категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве». *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 18 (X): XX–XX. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-X-XX-XX>.

© **Иван И. Иванов, 2023**

Иван И. Иванов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443011, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: Ivanov111@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: XX.XX.2023

Revised: XX.XX.2023

Accepted: XX.XX.2023

Ivan I. Ivanov Samara National Research University, Samara, Russian Federation

UNDERSTANDING THE CATEGORIES OF «GOOD FAITH» AND «ABUSE OF LAW» IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract: the article deals with the issues of understanding the categories of «good faith» and «abuse of law» in civil proceedings, since in the General theory of law and in branch legal Sciences there are different approaches to the interpretation of these concepts. The author notes that a broad interpretation of the categories of «good faith» and «abuse of law» blurs the boundaries of these concepts. This is partly an echo of the discussion about positive and negative responsibility. The methodological basis of the article is shown through formal-legal, comparative-legal, historical methods. the Author comes to the conclusion that a narrow understanding of the relevant categories is necessary.

Key words: civil proceedings, procedural integrity, abuse of procedural rights, procedural obligations.

Conflicts of interest: the author declared no conflicts of interest.

Gratitude (if any):...

Funding source (if any):...

Citation: Ivanov, Ivan I. 2023. “Understanding the categories of “good faith” and “abuse of law” in civil proceedings”. *Juridicheskiy analiticheskiy zhurnal Juridical Analytical Journal* 18 (X): XX–XX. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-X-XX-XX>. (In Russian).

© Ivan I. Ivanov, 2023

Ivan I. Ivanov, Doctor of law, Professor, Professor of the Department of civil procedure and business law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443011, Russian Federation

e-mail: Ivanov111@mail.ru

Введение

Требование добросовестности, предъявляемое к участникам гражданских и гражданских процессуальных отношений, в последнее время проводится в жизнь, как на законодательном уровне, так и на уровне положений, вырабатываемых судебной практикой, примером может послужить реформирование гражданского законодательства, когда одним из важных векторов реформы стало обеспечение добросовестного и надлежащего осуществления гражданских прав (Борисова 2015, 19).

...

Правовая природа категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве (основная часть работы может отражать как один блок, так и несколько)

Добросовестность процессуального поведения трактуется в широком значении. Процессуальный закон требует от лиц, участвующих в деле, добросовестности при осуществлении принадлежащих им процессуальных прав – ч. 1 ст. 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)¹. Означает ли это, к примеру, что если сторона недобросовестно подошла к делу защиты своих прав и не представила всех возможных доказательств по делу, не выполнила требования к составлению и подаче процессуальных документов в определенной

форме, не являлась в судебные заседания, то имеются основания упрекнуть ее в процессуальной недобросовестности? В широком смысле такой подход не лишен рациональных оснований, поскольку все перечисленные процессуальные действия составляют область процессуальных прав стороны, и лицо не проявило при их осуществлении должной добросовестности (Юдин 2005, 100). Таким образом, в общеупотребительном смысле недобросовестным признается поведение, когда субъект не приложил к процессу должных стараний или навыков, подошел к делу «спустя

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ в ред. от 31.07.2020. СПС “КонсультантПлюс”. Дата обращения: 1 сентября 2020. <http://www.consultant.ru>.

рукава». В сфере судопроизводства такое явление можно охарактеризовать как процессуальная недисциплинированность.

Злоупотребление правом (правамочиями) в широком значении понимается применительно к злоупотреблению самыми разными возможностями – злоупотреблению властью, свободой совести и вероисповедания, свободой массовой информации (Малиновский 2002, 20).

...

Выводы

Таким образом, необходимо использовать узкое понимание анализируемых категорий, приведенных нами выше, заметим, что «вменение» лицам, участвующим в деле, в судебных постановлениях процессуальной недобросовестности и злоупотреблений, основанных на широком понимании, является недопустимым и фактически означает привлечение субъектов к процессуальной ответственности при отсутствии необходимых оснований для этого.

Библиография

Борисова, Елена А. 2015. “Реформа гражданского судопроизводства в России: уроки истории”. *Вестник Московского университета* 1: 17–26. <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-grazhdanskogo-sudoproizvodstva-v-rossii-uroki-istorii>.

Малиновский, Алексей А. 2002. *Злоупотребление правом*. Москва: МЗ-Пресс. <http://lawlibrary.ru/izdanie42043.html>.

Юдин, Андрей В. 2005. *Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве*. Санкт-Петербург: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та: Изд-во юрид. фак-та С.-Петербур. гос. ун-та: 224. <http://lawlibrary.ru/izdanie54583.html>.

References

Borisova, Elena A. 2015. “Civil procedure reform in Russia: history lesson”. *Vestnik Moskovskogo universiteta* 1: 17–26. <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-grazhdanskogo-sudoproizvodstva-v-rossii-uroki-istorii>. (In Russian)

Malinovskij, Aleksej A. 2002. *Abuse of right*. Moscow: MZ-Press Publ. <http://lawlibrary.ru/izdanie42043.html>. (In Russian)

Yudin, Andrej V. 2005. *Abuse of procedural rights in civil proceedings*. Saint Petersburg: Izdatel'skij Dom S.-Peterb. gos. un-ta: Izd-vo jurid. fak-ta S.-Peterb. gos. un-ta Publ: 224. <http://lawlibrary.ru/izdanie54583.html>. (In Russian)